

Д.Н. МАМИН
СИБИРЯК

Д. Н. Мамин-Сибиряк. Собрание сочинений в десяти томах Том шестой.
Сибирские рассказы. Рассказы, повести 1893-1897.
Золотопромышленники // "Правда", Библиотека "Огонек", М., 1958
FB2: "rvvg", 11 October 2013, version 1.0
UUID: 4F3717F6-2792-4467-88B7-0E52D0F73E51
PDF: fb2pdf-j.20180924, 29.02.2024

Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк

На «Шестом номере» (Золотая лихорадка)

МАМИН, Дмитрий Наркисович, псевдоним — Д. Сибиряк (известен как Д. Н. Мамин-Сибиряк) (25.X(6.XI).1852, Висимо-Шайтанский завод Верхотурского у. Пермской губ.- 2(15).XI.1912, Петербург) — прозаик, драматург. Родился в семье заводского священника. С 1866 по 1868 г. учился в Екатеринбургском духовном училище, а затем до 1872 г. в Пермской духовной семинарии. В 1872 г. М. едет в Петербург, где поступает на ветеринарное отделение Медико-хирурги-

ческой академии. В поисках заработка он с 1874 г. становится репортером, поставляя в газеты отчеты о заседаниях научных обществ, В 1876 г., не кончив курса в академии, М. поступает на юридический факультет Петербургского университета, но через год из-за болезни вынужден вернуться на Урал, где он живет, по большей части в Екатеринбурге, до 1891 г., зарабатывая частными уроками и литературным трудом. В 1891 г. М. переезжает в Петербург. Здесь, а также в Царском Селе под Петербургом он прожил до самой смерти.

Содержание

I.....	.0006
II.....	.0015
III.....	.0024
IV.....	.0033
V.....	.0042
VI.....	.0051
VII.....	.0060
V.....	.0075
VI.....	.0084
VII.....	.0093
VIII.....	.0103
IX.....	.0112
X.....	.0124
ПРИМЕЧАНИЯ.....	.0126

**Д.Н. Мамин-Сибиряк
На «Шестом номере»**

«Старик» сидел на обрубке дерева перед костром, смотрел на огонь и молча посапывал коротенькую английскую трубочку, начиненную злейшей российской махоркой. Он сидел так каждый вечер, охваченный какой-то блаженной дремотой, и это почему-то всех раздражало, хотя вечер полагался на отдых, и каждый мог распоряжаться им по собственному усмотрению.

— «Старик», ты ужасноходишь на сыча, когда так сидишь перед огнем, — раздраженным тоном говорила ему Парасковья Ивановна.

— Вы находите? — удивлялся «Старик».

— Нет, он походит на Будду, — уверял брат Парасковьи Ивановны Ефим Иванович.

«Старик» не отвечал, что еще сильнее раздражало всех, и Парасковья Ивановна поставила возрос:

— Интересно было бы знать, о чем это чучело думает?..

В выражениях, как видите, не стеснялись, и только один «Старик» оставался неизменно

вежливым. Он как будто считал себя немного виноватым, особенно, когда Парасковья Ивановна раздражалась, а последнее случилось слишком часто. Она даже плакала в такие моменты, что уже совсем не шло к ее рослой фигуре и грубому, почти мужскому голосу. У Парасковьи Ивановны, как оказалось, были нервы, чего раньше как-то никто не подозревал. Открылось это совершенно случайно, ровно через день, как она приехала на прииск. Дело в том, что в лесу постоянно насвистывала так называемая птичка «горюн». Она издавала всего одну ноту, протяжную и унылую, и эта музыка продолжалась целые дни. Парасковья Ивановна приходила в отчаяние и умоляла убить горюна.

— Зачем это убивать ни в чем не повинную птицу? — слабо протестовал «Старик». — Она ведь никому не мешает...

— А если я не могу слышать этих стонов? Она не поет, а стонет, как умирающая... Не могу, не могу!.. «Старик», ты ее непременно убей...

«Старик» покорно брал ружье и отправлялся выслеживать несчастного горюна. Но

птичка была хитрая, забивалась в самую вершину какой-нибудь мохнатой ели, и невозможно было ее рассмотреть. «Старик» пробовал стрелять по вершине наудачу, но из этого ничего не выходило, — горюн замолкал на несколько минут, а потом его стоны начинали раздаваться где-нибудь в другом месте. Это была какая-то птица-невидимка. Особенно надоедала она по вечерам, когда в лесу водворялась мертвая тишина. Казалось, что горюн стонет прямо в ухе. Впрочем, волновалась не одна Парасковья Ивановна, и, если проклятая птица замолкала, все начинали ждать, когда она опять застонет. В конце концов выходило как-то так, что как будто виноват «Старик». Как это выходило, по какой логике — никто об этом не думал.

— Я убеждена, что этому идиоту доставляет удовольствие слушать горюна, — уверяла Парасковья Ивановна.

— Наверно, — поддакивал Ефим Иванович, во всем и всегда соглашавшийся с сестрой. — Вероятно, раньше «Старик» прикармливал горюна...

Последнее предположение являлось совер-

шенной нелепостью и поэтому, вероятно, производило особенно сильное впечатление. Впрочем, «Старик» сам подал повод к такому обвинению. Раз, когда Парасковья Ивановна особенно к нему приставала, он заметил:

— Ну что же, пусть нравится... У каждого свой вкус.

В описываемый мной вечер «Старик» был особенно задумчив. Горюн так и надрывался где-то над самой головой. «Старику» сегодня нравились эти стоны, потому что они отвечали его грустному настроению. Он не замечал, какая чудная ночь спускалась над горами, как обступивший приисковую контору лес тонул в мягком сумраке, как красиво всполохи красного пламени из сгущавшейся ароматной лесной мглы выхватывали какие-то причудливые тени, как землю постепенно охватывал торжественный покой, как на дне горной речки Полуденки, где были поставлены приисковые работы, поднимался волокнистый туман, точно пар от дыхания какого-то сказочного чудовища. Все кругом было торжественно-хорошо, хорошо строгой, молитвенной красотой, какая царит в дремучем лесу

по ночам и которой отвечает здесь каждая линия. Как, например, хороши вот эти величественные папоротники, придававшие всему какой-то таинственный, сказочный характер. Они убирали землю сквозным зеленым кружевом, точно в лесной гуще происходил таинственный праздник невидимых духов. Последних видели только молчаливые строгие ели, рвавшие в небо своими прорезными вершинами-стрелками, да пестрые дятлы, неумолчно долбившие гнилое дерево.

И вся эта красота дремучего северного леса сейчас не существовала для «Старика». Он сидел на обрубке дерева, свесив руки, и смотрел на огонь, где прыгали красные змейки. Его худощавое лицо, изборожденное преждевременными морщинами, сегодня казалось особенно некрасивым. Длинный нос, узенькие серые глазки, впалые щеки, жиденькая бородка песочного цвета — все было некрасиво. Все называли его «Стариком», хотя ему было всего под сорок. Эта кличка установилась за ним еще в школе, да так и осталась на всю жизнь. Он, впрочем, не протестовал, да и не интересовался собственной наружностью. И

костюм сидел на нем по-стариковски — болотные сапоги, шведская кожаная куртка, поповская шляпа. Сейчас в голове «Старика» бродила одна фраза, которую он услышал еще утром. Парасковья Ивановна, когда еще пила чай, рассчитанно-громко сказала:

— А он выезжает...

«Старик» чувствовал, что все смотрят на него, и стал внимательно наблюдать чайники, плававшие в его стакане. Ему было как-то неловко и немного совестно. Он знал, о ком говорила Парасковья Ивановна, и не понимал, почему она говорит таким вызывающим тоном. И сейчас он повторял про себя эту фразу, повторял без конца, точно в голове у него ходил часовой маятник.

В разговоре не принимал участия только чахоточный черноволосый мужчина, одетый в синюю суконную блузу и широкополую соломенную шляпу. Он тоже сосредоточенно посасывал коротенькую английскую трубочку и время от времени с каким-то ожесточением сплевывал на огонь. Парасковья Ивановна наблюдала за каждым его движением и убеждалась все больше и больше, что он по-

ложительно красив, особенно, если смотреть в профиль. Ей хотелось заговорить с ним, но она не решалась нарушить его поэтической задумчивости. Вдруг скажет что-нибудь такое бабье, а у него в голове, может быть, происходит что-нибудь необыкновенно серьезное. Звали чахоточного господина Егором Егорычем, и он почему-то всегда обижался, когда его так называли. Отчего не Георгий Георгиевич? Парасковья Ивановна чувствовала, когда он сердится, и смущалась.

Около огня некоторое время царило молчание. Ефиму Ивановичу это надоело, и он проговорил вызывающим тоном:

— На Английскую набережную кули таскать... да!.. Сделайте милость, сколько угодно... Из меня отличный крючник будет.

В доказательство последней мысли Ефим Иванович даже засучил рукава, чтобы показать свои могучие руки. Сложен он был, действительно, богатырем, и только нежная, белая барская кожа несколько портила впечатление. Произнесенная тирада очень хорошо была известна всем присутствующим, потому что повторялась слишком часто. В переводе

она означала, что Ефим Иванович недоволен чем-то. Не получив ответа на свой вызов, Ефим Иванович дополнил свою мысль:

— Мы черноделы, мужики... Что мне нужно? Русскую самую простую горошницу, потому что в ней много фосфора, потом кусок вяленой рыбы с душиком, потому что в ней много йода, — и сыт, следовательно, независим, следовательно, моя нравственная личность ничем не подавлена.

Опять молчание. Ефим Иванович посмотрел кругом своими добрыми серыми глазами, разгладил окладистую русскую бороду и, по видимому, остался доволен произведенным впечатлением.

— Кажется, пора спать... — нерешительно заявила Парасковья Ивановна, вынимая золотые дамские часики.

— Совершенно пора... — подтвердил Ефим Иванович, поднимаясь с места. — Мы не господа, чтобы сидеть до вторых петухов.

Егор Егорыч тоже поднялся и утомленной походкой направился к конторе. Парасковья Ивановна посмотрела уничтожающим взглядом на «Старика», который был всегда и во

всем виноват, хотела что-то сказать, но круто повернулась и ушла молча. Ефим Иванович некоторое время оставался, чтобы хлопнуть «Старика» по плечу и проговорить:

— Так-то, старина...

— А... что?

— Да так... Он, брат, выехал, то есть выезжает.

— Я это знаю...

— Мне, собственно говоря, плевать, «Старик». Ты знаешь — я человек прямой... да. Говорю откровенно... А чай ты пойдешь пить?

— Нет...

На «Старика» напало совершенно непонятное упрямство. Не спроси его Ефим Иванович — он пошел бы, а тут точно на пень наехал. Не пойду — и конец.

«Старик» несколько времени оставался у костра, не меняя позы. Он видел, как в конторе осветились окна, как задвигались тени, как растворялась и затворялась дверь, выходящая на широкое русское крыльцо, почему-то названное Парасковьей Ивановной верандой. Там готовили чай и легкий холодный ужин. «Старику» хотелось и закусить и напиться горячего чаю, но он с ожесточением повторял про себя, как раскапризничавшийся ребенок: «А вот и не пойду... да. Возьму и не пойду, а вы ешьте и пейте». По пути он припомнил, что еще год тому назад на месте нынешней приисковой конторы стоял дремучий ельник, и как он мечтал именно о такой конторе, где и светло, и просторно, и дождь не мочит. Но вот явилась и контора, а он почему-то не решается перебраться в нее из своей землянки. На веранде слышался громкий говор Ефима Ивановича, потом почему-то смеялась Парасковья Ивановна, а Егор Егорыч шагнул из угла в угол с мрачным видом человека, приговоренного к смерти.

— Эй, «Старик», иди же чай пить! — громко крикнул Ефим Иванович, свешиваясь через перила веранды. — Парасковья Ивановна рассердится, если будешь капризничать...

— Я иду спать... — ответил «Старик».

Парасковья Ивановна нашла этот ответ почему-то смешным и залилась неестественным смехом. Это окончательно обидело «Старика», и он поднялся. Действительно, пора спать... Не торопясь, он зашагал разбитой походкой, как опоенная лошадь, к своей землянке, до которой было рукой подать — стоило только спуститься под гору, где над Полуденной живой пеленой сгущался туман...

От землянки падала разбегавшаяся полоса света, — это старый штейгер Лука натапливал очаг, чтобы ночью было теплее. Трубы в землянке не полагалось, и клубы дыма валили в открытую дверь. Старик сидел у очага, сложенного кое-как из камня-дикаря, и что-то помещивал деревянной ложкой в котелке, приставленном к огню. Над очагом висел медный походный чайник, заменявший самовар. Вода уже закипала и падала из носка чайника пенившимися каплями. Появление

«Старика», очевидно, произвело на Луку неблагоприятное впечатление. Он сурово посмотрел на хозяина своими покрасневшими от дыма глазами и проворчал:

— Охота вам, барин, опять дым глотать...

«Старик» ничего не ответил и молча присел на корточки к очагу... Он вообще любил огонь и мог просиживать в таком положении целые часы. Избушка, вросшая в землю, была полна дыма, и только привычный человек мог усидеть перед очагом, не задохнувшись от кашля. Лука молча отодвинул свой котелок от огня, еще раз помешал ложкой приготовленное варево, посолил на глазомер и поставил на обрубок дерева, заменявший стол. Это была вкусная похлебка из пшена, приправленная сухой сибирской поземиной. «Старик» с величайшим удовольствием отведал варева и принялся есть. Правда, хлеб, лежавший на полке, припахивал дымом, но голодные люди не разбирают. Лука ел молча и сосредоточенно, стараясь не крошить хлеба и старательно облизывая ложку. Его худенькое, морщинистое лицо, с включенными волосами и жиденькой бородкой, походило на бо-

лотную кочку, если бы кочка могла принимать постоянно недовольное выражение. И сейчас Лука черпал варево с таким видом, точно в каждой ложке была новая обида.

— Ну, слава богу, бог напитал — никто не видал, — проговорил Лука, облизывая в последний раз свою ложку. — А теперь чай будем пить, барин.

Чаем Лука называл горный шалфей, который он собирал в период цветения и засушивал каким-то особенным образом. Заваренный в чайнике шалфей давал приторно-пахучий настой желтоватого цвета. «Старик» во время своих скитаний по уральским золотым промыслам поневоле привык к этому оригинальному напитку и не без удовольствия выпил две чашки.

Пока происходили эти церемонии, дрова в очаге прогорели, и землянка очистилась от дыма настолько, что можно было ложиться спать. Лука слазил на крышу и закутал свежей травой дымовое отверстие, заменявшее трубу.

— Ну, теперь, барин, и на боковую пора, — наставительно говорил Лука, плотно припи-

рая расщелявшуюся дверь. — Свечку не будем зажигать? Не надо? Ну, и отлично... Тоже деньги плачены. Ох-хо-хо!.. Господи, прости меня, грешного...

«Старик» очень скоро уложился на просторных нарах, занимавших всю заднюю половину землянки. Он ощупью нашел все необходимое. В землянке было жарко, как в бане, но Лука страстно любил тепло и не признавал никакой вентиляции. Все равно к утру вот как выдует, и цыганский пот еще пробежит. «Старик» должен был примириться и с этим, чтобы не обижать Луку. Он и не то видал, когда по неделям приходилось жить в полузаотопленной водой землянке, как было при начале работ. Сейчас в землянке было «царство», как говорил Лука, сравнивая настоящее с прошлым. Тогда здесь всех-то десять человек спало, теснота, вонь, грязь.

«Старик» не мог уснуть и ворочался с боку на бок. Лука угнетенно вздыхал, припоминая какие-то тайные грехи. «О, господи милостивый, прости ты меня, раба недостойного. Микола угодник, моли бога о нас!» В землянке было темно, как в трубе.

— Барин, а барин?

— Ну?

Лука широко зевнул и проговорил сонным голосом:

— Ну, и просты вы, барин, как я на вас погляжу... Даже через число просты, а другим-то это и на руку, значит, ваша простота.

— Тебе-то какое дело до других, Лука?

— А ведь я все вижу... Не ослеп еще, слава богу. Даве вон стряпка Маланья какое слово выразила: «Вас, грит, с барином-то давно на подтопку пора отдать»... Ах, курва!..

— А ты не слушай, что болтает глупая баба.

— Да ведь, барин, маленькая собачка лает — от большой слышит. Тоже можем своим умом понимать... Тошно глядеть.

Лука сел и несколько времени с ожесточением чесал голову пятерней.

«Старик» молчал. Он предчувствовал неприятный разговор.

— Барин, вы спите?

— Нет...

— Давно я хочу вам одно словечко сказать...

— Говори, только не болтай глупостей, по-

жалуйста. Ты знаешь, что я не люблю глупостей.

— Какие глупости, барин... Что ни есть самое настоящее дело. Взяли бы вы эту самую Парасковью Ивановну — так, на-примерно, говорю — да, как кошку, за хвост да об стену.

— Лука!

— Нет, уж позвольте, барин... Долго я терпел... все терпел, а сейчас не могу. К самому горлу подошло...

— Лука!

— Нет, уж позвольте!.. Ведь они все на готовое пришли? Так я говорю? Мы-то тут достаточно и пыли наглотались и грязи нахлебались, пока обыскали золото, а они, сделай милость, совсем на готовое слетелись. На готовое-то и я первый воевода.

— Да ведь они не сами пришли сюда, а я их созвал, Лука.

— А для чего позвали? Мы тоже очень это понимаем... да. Конечно, дело было верное, а одному не под силу — вот вы и набрали приятелей. И у нас, мужиков, то же самое бывает, только не так кончается. Конечно, не кормя, не поя, врага не наживешь, а все-таки ты

чувствуй, ежели тебя рылом в молоко, как слепого щенка, ткнули. Правильно я говорю, барин... Ну, а какие ихние поступки касаются вас? Тошнехонько глядеть. И всему заводчицей эта самая халудра Парасковья Ивановна, чтобы ей ни дна ни покрывки!..

— Она?

— Известно, она... Все от нее и пошло. Пряменько сказать: совсем вас в угол загнали, как последнего раба. Для кого контора-то строилась? А как выстроили, она и пошла свои бабьи слова поговаривать: «Эта вот комната моя... эта братцу Ефиму Ивановичу... эта Егору Егорычу, а эта, слышь, чай пить». А вам-то ничего не осталось. Хорошо это?..

В темноте раздался тихий смех «Старика», и Лука только развел руками. Рехнулся, видно, барин, окончательно... Потом Лука рассердился, а барин продолжал хохотать, уткнувшись головой в подушку. Лука даже плюнул.

— Ну, Лука, еще скажи-ка что-нибудь про Парасковью Ивановну?

— А что мне про нее говорить: хоша и барыня, а все баба — одна у них вера. Вон и чаю вам не дала напиться... Сама, небось, целый

самовар вылопала. Люта она чай пить... Одно-го сахару сколько стравит. То же и насчет ужины.

— Тебе обидно, что они ужинают, Лука?

— Не завидно, а просты вы... Только вот палкой вас не гонят. Прямышенько надо говорить. А я достаточно нагляделся. Форцу настоящего у вас нет, барин. По-настоящему-то, как вам следовало разговаривать с ними: «Пошолте вон, дармоеды!»

Прииск назывался довольно оригинально: № 6-й. По системе глухой речонки Полуденки, сбегавшей по восточному склону Урала, было разбросано очень много приисков, так что первому владельцу № 6-го было лень подбирать новое название. Место кругом было самое глухое, как вся северная часть казенной Гороблагодатской дачи. Даже проходившая через нее железная дорога не внесла никакого оживления, и промысловые пути сообщения находились в самом первобытном состоянии, а на № 6-й едва можно было пробраться только верхом. В летнее время горные болота почти прекращали возможность всякого передвижения, и только опытные таежные люди могли ехать верхом, по горным тропам и болотным «еланям». Парасковью Ивановну, принимая во внимание ее женскую слабость, а также кухарку Маланью перетаскивали в двух местах через болота на широких лубках. Это последнее постоянно ставилось «Старику» в счет, как самое яркое проявление женского героизма. Старый Лука,

впрочем, объяснял иначе.

— Чего же тут мудреного? Волокли через болота, как две редьки. Известно: бабы. У ней, у бабы, уж такой закон — всего боится... Ежели бы она не боялась, так с ней и сладу бы не было.

«Шестой номер» на непривычного человека производил самое угнетающее впечатление, впечатление какой-то подавляющей тесноты, обидной уже потому, что на сорок верст кругом не было никакого жилья. Река Полуденка пробиралась между лесистыми, неприветливыми горами какими-то закоулками, и ее течение постоянно преграждалось разными естественными препятствиями — то загородит дорогу обочина горы, то каменный утес, то целая гора. Речная вода преодолевала все эти препятствия и достигала цели обходными путями, конечно, теряя много во времени. «Шестой номер» получил свое существование благодаря горе Чуман, которая точно сознательно загородила дорогу лесистым плечом живой горной воде. По расчету первого золотопромышленника, делавшего здесь заявку, золото именно должно было «подбить-

ся» к этой горе благодаря задержанному течению. Образовался крутой, узкий и длинный лог, напоминавший брешь, сделанную каким-то неприятелем в основном горном массиве. Когда «Старик» в первый раз явился сюда, он не мог не согласиться с этим предположением и купил прииск с казенных торгов. Кто был этот первый предприниматель, где он пропал сейчас — разорился, умер или разуверился в деле, — оставалось неизвестным, но идея продолжала существовать. «Старик» верил в нее и после целого года тяжелых испытаний и всяческих неудач добился своего. «Шестой номер» оправдал себя, как говорят на промыслах. Долго не дававшееся в руки золото, как заклятый клад, было найдено именно им, «Стариком».

Сейчас «Шестой номер» имел самый оживленный вид благодаря именно этой уверенности в открытой надежной россыпи. Как по щучьему велению выросла и новая контора, и новая казарма на пятьдесят рабочих, и все признаки живой работы, а главное, точно в самом воздухе висело бодрое настроение и уверенность в завтрашнем дне. В «Шестой но-

мер» теперь верили все. Это отразилось на всем, а главным образом на настроении рабочих.

Когда «Старик» ранним утром выходил из своей землянки, его ухо приятно поражал трудовой шум, висевший над весело работавшим прииском. В его душе невольно просыпалось горделивое чувство, что главным виновником всего является именно он и только он один. Теперь «Старик» с особенным удовольствием вспоминал то недавнее время, когда он бедствовал в своей землянке и приходил в отчаяние от преследовавших его неудач. Благодаря этим воспоминаниям ему особенно дорогой делалась вот эта самая землянка, в которой он столько пережил. Парасковья Ивановна никак не могла этого понять, захватив в конторе лучшие комнаты. Да, он будет жить в своей землянке, как живут другие рабочие. Только часть рабочих помещалась в новом корпусе, выстроенном на пятьдесят человек. Это были так называемые «кондрашные», работавшие по годовым контрактам. А большая часть рабочих помещалась по ту сторону Полуденки, в землянках

или кое-как слаженных на скорую руку балаганах, прилепившихся к обочине горного увала, как гнезда стрижей. Тут жили старатели, работавшие с золотника намытого золота. По вечерам около этих балаганов так весело курились старательские огоньки и слышались несмолкаемые песни. Без песни русский человек не умеет работать, а отдыхать тем больше.

Собственно прииск, где залегала золотоносная россыпь, делился на две неравных половины. На лучшей половине, где работали кондрашные, были поставлены хозяйские работы, что можно было издали заметить по зимней вскрыше турфов (верхний слой земли, прикрывающий россыпь), по только что устроенному пруду и особенно по большой золотопромывальной машине сибирского типа, которая называется «бутарой». Старатели работали вразброд, и каждый отыскивал счастье в свою голову. Промывка производилась ими на ручных станках, без всяких других приспособлений.

«Старик» с наслаждением обходил все работы, разговаривал с рабочими и чувствовал,

что все эти простые люди уважают и любят его, за исключением, может быть, одного Луки, склонного ко всякому предательству по натуре. Верить коварному человеку было нельзя ни в чем, но «Старик» так сжился с ним, что отказать ему не мог.

— Слава богу, все хлеб едим от вас, барин, — повторял Лука, обходя со «Стариком» работы. — На что старателишки, и те мало-мало кормятся, которые ежели с умом...

Лука немилосердно грабил этих старателишек и всячески вымогал из них взятки, особенно, когда дело доходило до отвода новых участков или приема намытого золота. До «Старика» доходили жалобы на этого старого негодяя, которого следовало давно прогнать, но «Старику» делалось как-то совестно за него же, и он, вместо того, чтобы обругать его по крайней мере, как-то заискивающе говорил:

— Лука, ты бы того, братец... гм...

— Я? Да я, барин... Ах, боже мой! — начинал клясться старый приисковый вор. — Да я для вашего интересу из своей кожи готов вылезти семьдесят семь разов с разом.

В доказательство последней метафоры Лу-

ка с ожесточением бросал свою шапку оземь и начинал креститься.

— Да я... Вот не сойти с этого самого места. Можно пряменько сказать: стараюсь, как неумытый пес.

— Все-таки, Лука, ты бы того... вообще, не очень... — еще более смущенно бормотал «Старик», — старатели жалуются...

— Старатели? жалются? А того они не ска-зали вам, барин, что они есть первые воры?.. За ними какой глаз-то нужно иметь. Недоглядел, а они сейчас, напроимерно, наше родное золото на сторону и потащат... Модель известная... Плачет об них острог, обо всех...

«Старик» всячески старался смягчить суровый режим старого хапути и вора, но все его меры как-то не имели действия, и Лука имел полное основание смеяться над простоватым барином.

В конторе, где заседал Ефим Иваныч, тоже дело было как будто не совсем чисто, и недельные отчеты сплошь и рядом не сходились, причем Ефим Иваныч имел нахальство оправдываться близорукостью, благодаря которой постоянно смешивал цифры 3 и 5.

— Может быть, ты меня подозреваешь в воровстве? — обижался Ефим Иваныч, в конце концов, переходя в наступление.

— Нет, я этого не говорю, — оправдывался «Старик», проклиная свое желание посмотреть отчет за неделю. — А только, вообще...

— Пожалуйста, не отпирайся! — гремел Ефим Иваныч.

— Да, ей-богу же, я ничего... я так... — Нет, говори прямо!..

«Старику» приходилось извиняться, и он даже краснел, как напроказивший школьник.

— Я, брат, на Английскую набережную кули таскать, — заканчивал Ефим Иваныч, — у меня разговоры короткие. А затем в этом проклятом лесу я окончательно потеряю здоровье...

Заботы о здоровье составляли, кажется, главную задачу всей жизни Ефима Иваныча, и это настроение поддерживалось Парасковьей Ивановной с какой-то ожесточенной энергией. Каждое утро, когда Ефим Иваныч выходил к чаю, она пытливо осматривала его и зловещим тоном говорила:

— Ефим, покажи язык... Мне кажется, что у тебя сегодня нехороший цвет лица. Тебе необходимо принимать железо...

Ефим Иваныч повиновался и даже ложился в постель, когда этого требовала Парасковья Ивановна. Вообще это был неисправимый дармоед, который мог в свое оправдание сказать только то, что Егор Егорыч еще больший дармоед, дармоед озлобленный, считающий себя вечно обиженным кем-нибудь. Судьба преследовала Егора Егорыча с замечательным постоянством и загнала его в конце концов в такую трущобу, как «Шестой номер». Пред всеми остальными он гордился тем, что был в Петербурге и насмотрелся там всяческих чудес, а главное, видел, как живут настоящие люди. Ефим Иваныч с завистью слушал его рассказы, из которых почему-то усвоил только одну фразу о таскании каких-то кулей на Английской набережной.

IV

Через три дня Парасковья Ивановна за утренним чаем с таинственным видом проговорила: — Он выехал...

Егор Егорыч и Ефим Иваныч, как по команде, посмотрели на «Старика», который молча пил чай один стакан за другим. Это была одна из его дурных привычек, возмущавшая Парасковью Ивановну до глубины души. «Старик» имел обыкновение выпивать целых пять стаканов чаю, тогда как Егор Егорыч пил всего два. Егор Егорыч сейчас служил для Парасковьи Ивановны мерой всех вещей, той нормой, отклонение от которой в ту или другую сторону приводило ее в негодование.

В контору «Старик» приходил только пить чай и обедать, что его сейчас очень смущало. Он предпочел бы тысячу раз питаться у себя в землянке, но это было бы некоторой демонстрацией. Приходилось покоряться установленному режиму, хотя это и составляло для него настоящую пытку. Когда он приходил в контору, все умолкали и таинственно переглядывались между собой, точно в комнату

вошел шпион. Положение получалось невыносимое, тем более, что присутствовавшие начинали обмениваться каким-то шифрованными фразами, о смысле которых он мог только догадываться. Особенно донимала «Старика» Парасковья Ивановна, принимавшая вид неумолимой судьбы. Если бы они все знали, как мучился и страдал «Старик» и вместе как было ему совестно вот за них же, за их несправедливое отношение к нему. Он даже краснел.

На «Шестом номере» собралась самая удивительная компания, какую только возможно себе представить. Приисковая жизнь, полная приключений, неприятных неожиданностей и поджигающего риска, создала целый контингент совершенно особенных людей, которых можно встретить только на золотых промыслах и которые никуда больше не годятся и нигде больше жить не могут. В большинстве случаев это самые неисправимые мечтатели и фантазеры, которые, не глядя ни на что, хотят силой вырвать у несправедливой судьбы свое счастье. Мысль о каком-то диком успехе служит главной основой этой

промышленной психологии. Сегодня беден, как церковная крыса, а завтра богат. Для иллюстрации всегда имеются целые десятки самых ярких примеров самого бесшабашного обогащения, когда из ничтожества возникают миллионеры. Эти баловни судьбы у всех на глазах, и происхождение их богатства окружено целыми легендами. Их имена превращаются во что-то вроде обиходной монеты, делаются нарицательными настолько, что ими думают. Кто не знает Парфенова, Егорова, Мокрякова, Большакова? Все они начали ни с чего, терпели всевозможные превратности судьбы и закончили миллионами.

Может быть, самым неисправимейшим из этих мечтателей был Николай Сергеич Крутиков, он же «Старик». Это был человек, который мог существовать только на фоне приисковой обстановки и совершенно не существовавший вне ее. Он убил всю жизнь на промышленное дело. Начал он, как большинство, с небольшого капитала, доставшегося в наследство. Капитал был зарыт в одно лето, и «Старик» оказался выброшенным на приисковую улицу без гроша в кармане. Много лет он пе-

ребивался мелкой приисковой службой, по грошам скапливал небольшие суммы, чтобы зарыть их и опять мыкать горе, утешая себя несбыточными мечтами. Всегда оказывалось как-то так, что для счастья недоставало каких-нибудь пустяков, иногда нескольких десятков рублей, и другие обогащались там, где «Старик» разорялся. После каждого неудачного опыта он строго проверял себя и находил истинные причины краха. Это была настоящая школа неудач. Прибавьте к этому замечательное упорство и веру в себя, граничащую с помешательством. Знакомые считали «Старика» немного повихнувшимся и говорили:

— А черт его знает, дуракам счастье...

Последнее, кажется, служило главным основанием всей удивительной карьеры «Старика», так что в него даже начали верить, как в лунатика, который пройдет там, где нормальный человек свалится десять раз от страха.

Ближайший друг «Старика» (он питал всегда большое влечение к деликатным чувствам), Андрей Ильич Лизунов, тоже приисковое перекаати-поле, особенно изоцрял свое

остроумие по поводу приятеля. Лизунов страдал остроумием, как другие золотухой или чечоткой. Друг Лизунов говорил так:

— «Старику» недостает только денег, чтобы сделаться богачом, а глупости для этого у него достаточно вполне.

Уколы дружбы «Старик» переносил стойчески, как законное возмездие за скрытую слабость своей души, и сообщил первому Лизунову об открытом золоте на «Шестом номере». Это открытие было совершенно неожиданно и взволновало весь промысловый мир, как новое доказательство дикого счастья. Лизунов, получивший приглашение войти в компанию к верному делу, говорил:

— Да, да... Дуракам счастье. Этому оболтусу, и вдруг богатство.

Приисковая жадная голь была убеждена в глубокой несправедливости судьбы и злословила по адресу «Старика». Во всей этой истории было что-то таинственное. «Старик» забрался с маленькими средствами в самую глухую тущобу, где и пропал целое лето, питаясь одними сухарями и пшенной кашей. Осенью он вернулся пешком, оборванный, го-

лодный, обросший волосами, как настоящий дикарь. Золото было найдено верное, но нужно было его взять, а для этого требовались средства. Тут выручил Лизунов.

— Мы составим компанию на паях, — объяснял он. — Ты будешь главным пайщиком, а другие дадут средства. Понимаешь?

«Старик» верил Лизунову, потому что любил его. На сцену сразу явились и капиталисты — Ефим Иваныч и Парасковья Ивановна Артюховы (они с часа на час ожидали наследства после умиравшей третий год двоюродной тетки), а потом Егор Егорыч Иванов (у него был дом, принадлежащий жене, с которой он не жил пятнадцать лет). Составлено было формальное условие новой компании, и все отправились на «Шестой номер». Правда, что при отъезде у компаньонов не оказалось ни гроша за душой — тетка Артюховых продолжала еще умирать, а жена Иванова продала дом и бежала, но это были пустяки. Молва уже разнесла весть о золоте на «Шестом номере», и «Старик» без особенных затруднений нашел кредит. Компаньоны нисколько не были смущены этим обстоятельством и быстро

вошли в роль настоящих владельцев. В успехах «Старика» они видели как бы косвенное оскорбление их и с негодованием говорили:

— Что же тут удивительного, если этому дураку дают деньги? Дайте нам, и мы бы тоже взяли...

Контора и казарма для рабочих были выстроены еще зимой. На «Шестом номере» жил в своей землянке всю зиму один «Старик», и компаньоны явились только весной, когда все уже было готово. Лизунов страшно раскритиковал все, что было сделано, и даже кричал на «Старика»:

— Так может делать только сумасшедший! Разве это контора? Конюшня какая-то...

Известно, что на Лизунова нельзя было сердиться: он всегда волновался и кричал, а на других тем меньше. В глубине души «Старик» даже был ему благодарен, потому что только Лизунов мог завезти Парасковью Ивановну в такую трущобу. На промыслах женщина представляет предмет роскоши, даже самая простая баба, а Лизунов приспособил настоящую даму. Парасковье Ивановне было за тридцать лет и особенной привлекательно-

стью она не отличалась, а мужской голос, резкие манеры и красное лицо делали ее «полу-мужичьем», как говорил Лука. Но «Старик» всю жизнь провел бобылем и видел женщину так близко в первый раз. Он проникся каким-то благоговением к Парасковье Ивановне, в которой, как в фокусе, сосредоточивались все женские прелести. В довершение всего, Парасковья Ивановна была девица, то есть существо, затаившее в себе какое-то особенно таинственное счастье, которым имел быть награжден еще более таинственный избранник ее сердца. На «Старика» точно пахнуло никогда еще не испытанным теплом, и он часто смотрел на Парасковью Ивановну такими глазами, точно она могла вспорхнуть или разбиться.

— Этот дурак, кажется, влюблен в тебя, — заметил довольно грубо Ефим Иваныч сестре. — Я ему все ребра переломаю...

— Оставь его, — со вздохом проговорила Парасковья Ивановна: — пока он ничего еще такого не делает... Мало ли кто кого любит, — прибавила она таинственно: — сердцу не прикажешь...

В специальном ведении Парасковьи Ивановны оказалась вся область любовной психологии и жизни сердца вообще. На промыслах на каждую женщину смотрели очень уж просто, без всяких иллюзий даже, больше того — как на печальную необходимость, что Егор Егорыч мог подтвердить собственным примером.

Молчаливое обожание «Старика» сделалось неистощимой темой, особенно для Лизунова, который говорил:

— Дураки отличаются от умных людей тем, что каждый по-своему с ума сходит.

Про себя Лизунов называл Парасковью Ивановну приисковой кувалдой и чертовой куклой.

— Он приехал!
 Это случилось ночью, когда весь прииск спал. Штейгер Лука, страдавший старческой бессонницей, первый услышал лошадиный топот и сразу определил опытным ухом:

— Три конника едут, барин...

— Как три? — испугался «Старик». — Лизунов уехал только с одним бережным...

Уехал вдвоем, а воротился втроем. Кто мог быть этот третий? В душу «Старика» закралось тайное предчувствие чего-то нехорошего, но в контору он не пошел. Утром все объяснится. Однако всю ночь он спал очень плохо и видел во сне какую-то невообразимую чепуху.

Утром Лука заметил:

— Коней-то было три, а голосов четыре... Четвертый-то как будто не по-нашему лопочет. Прах его разберет...

«Старик» умылся, оделся и отправился в контору с тайным предчувствием чего-то дурного... На «веранде» вся компания уже распо-

ложились вокруг чайного стола. Когда он подходил, раздался громкий крик:

— Дуррак!.. Дуррак!..

Все разом захохотали, особенно Парасковья Ивановна. «Старик» остановился в смущении и только теперь заметил большую медную клетку с попугаем. Это был сюрприз Лизунова Парасковье Ивановне, которая всю жизнь мечтала о говорящем попугае. Парасковья Ивановна сияла.

Лизунов, плотный мужчина с окладистой бородой и веселыми голубыми глазами, приветствовал «Старика» с снисходительной фамильярностью:

— Ну, здравствуй, старина. На попку ты не сердись... Птица — все-таки умная. А вот я еще компаньона привез: прошу любить и жаловать... Федор Матвеич Пржч.

Раздался опять общий хохот. Парасковью Ивановну начали душить слезы. Из-за стола поднялся господин с лихо закрученными усами, стриженный под гребенку и одетый в канусовую шелковую рубашку и бархатную поддевку.

— Это я, — коротко объяснил он, протяги-

вая руку. — Моя фамилия действительно немного странная для непривычного русского уха, но я — серб и ничего не могу поделать. Можно произносить так: Пржич. Это все равно...

«Старик» в это время сосчитал присутствующих и окончательно смутился: получилась роковая для него цифра шесть. Эта цифра положительно преследовала его.

— Я с ним случайно познакомился, — объяснял Лизунов, прихлебывая чай из своего стакана, — и просто ахнул, когда узнал фамилию. Да ведь такого человека до самой Москвы не сыщешь, а нам в самый раз... Он, брат, дока по части двойной итальянской бухгалтерии. Ты вот все на Ефима Иваныча нападал за счета, ну, теперь мы все дело поведем начистоту. Вообще надо сосчитаться. Короче счета — дальше дружба...

— Что же я... я ничего не имею против, — виновато бормотал «Старик». — Я очень рад.

«Старик» понял только одно, что этот Пржч и был тот самый таинственный он, о котором говорила Парасковья Ивановна. Она была предупреждена Лизуновым с какой-то

«оказией». Затем «Старик» понял, что Егору Егорычу дана была уже чистая отставка и девичье сердце Парасковьи Ивановны билось теперь для этого сомнительного сербского человека. Очевидно, Лизунов для этой цели и привез его. Он не мог жить, чтобы не выкинуть какой-нибудь замысловатой штуки. Егор Егорыч сидел темнее тучи, — еще раз он должен был пострадать от женщины. О, несправедливая судьба! О, неумолимый жребий!..

Чай прошел очень весело. Лизунов привез два новых анекдота, которые рассказал еще раз для «Старика». Все опять смеялись, а Пржч играл золотой цепочкой и внимательно наблюдал. «Старик» смотрел в свой стакан, как приговоренный к какому-то наказанию.

— Да, чуть не забыл... — спохватился Лизунов: — золото я сдал, получил за него ассигновки, а за них деньги. Пришлось немного потерять из комиссии, ну, да ничего не поделаешь. Вот Пржч все разберет... Он в этих делах собаку съел. Ты ничего не имеешь, конечно, что я купил попугая на компанейский счет?

— Решительно ничего...

— И еще привез два олеандра и банку варенья. Ты согласен?

— Очень...

— Ну, вот... я был уверен. Ведь Парасковья Ивановка у нас одна, а наша обязанность усладить ее жизнь в этой трущобе.

— Я вас совсем не просила делать сюрпризы... — жеманно ответила Парасковья Ивановна.

За завтраком «Старик» был свидетелем очень интересной сцены, которую понял только потом. Главным действующим лицом была Парасковья Ивановна. Она, очевидно, старалась показать себя с самой лучшей стороны перед новым человеком и завела горячий спор.

— Я разделяю людей на две половины, — ораторствовала она: — одни эксплуатируют, а другие, которых эксплуатируют. Так было всегда и, вероятно, будет.

— Вы уж очень мрачно смотрите на жизнь, — сказал Пржч с мягкостью большого человека, который говорит с ребенком. — Да... Наконец эксплуататора всегда можно ограничить.

— По-моему, все надо начистоту! — вступился Ефим Иваныч. — А иначе на Английскую набережную кули таскать.

— Я говорю вообще о человеческой природе, господа, — объясняла свою мѣгсль Парасковья Ивановна: — отдельные факты решительно ничего не доказывают... Вы встретили на улице хромого, что это доказывает? Это не значит, конечно, что все должны быть хромыми, а только то, что существуют уроды.

Весь спор сводился на эксплуатации кем-то и кого-то. Егор Егорыч мрачно смотрел на «Старика» и с ожесточением жег одну папиросу за другой. Время от времени и другие тоже поглядывали на «Старика», но он ничего не понимал, больше, он решительно не желал ничего понимать. Его бессовестность начинала возмущать Парасковью Ивановну в окончательной форме.

— По-моему, просто есть нравственные уроды, как и физические, — подчеркивая слова, заметила она: — они утрачивают даже способность стыдиться...

За обедом обсуждалась та же тема об эксплуатации, эксплуататорах и эксплуатируе-

мых, и «Старик» опять притворился ничего не понимающим. Это было возмутительно до последней степени.

Вечером, впрочем, все разъяснилось.

После ужина Лизунов отправился провожать «Старика» до его землянки. Ночь была великолепная, и впечатление портилось только стонами неугомонного горюна, который нынче насвистывал даже ночью. Лизунов взял «Старика» под руку и, шагая рядом, говорил самым задушевным топом:

— Ты знаешь, «Старик», как я тебя люблю? Никто не желает тебе добра столько, как я... Согласен?

— Да...

— Тебе повезло дикое счастье... да? Так... но это еще не значит, что ты должен эксплуатировать своих друзей.

— Я?! Эксплуатировать?!

— Да, эксплуатировать. Ты знаешь, что я человек откровенный и говорю прямо. Все возмущены против тебя, а всех больше Парасковья Ивановна. Мне большого труда стоило уговорить ее остаться здесь, — то есть на «Шестом номере».

— И она против меня?

— Она-то и есть главная... Ну, как это сказать? Главный твой враг... то есть не враг, а недовольная. Я тебе говорю все это только по дружбе... Понимаешь? Между нами, как говорят французы. А потом, какое мое положение? Я их всех пригласил в компанию, и вдруг... Вообще ты меня поставил в самое невозможное положение.

— Что же мне делать? — взмолился «Старик»: — ведь я никому не делал зла... я не хотел... а Парасковья Ивановна просто несправедлива ко мне.

— Ну, ты совсем не знаешь женщин, а все женщины, братец, одинаковы. Они созданы несправедливыми... Вообще не стоит говорить. Да... Так вот я — ты знаешь, как я люблю тебя — и привез этого Пржча. Пусть он всех нас рассудит.

— Позволь, почему же именно он, а не кто-нибудь другой? Ведь он совсем чужой человек...

— Вот это-то и важно, что он совсем чужой, а это значит, что он будет совершенно беспристрастен. Понял?

— Что же, вы хотите судить меня?

— Не судить, а только разобрать все дела. Путаница, понятно, выходит, а для компании это смерть... понимаешь... У него только фамилия сербская, а сам он настоящий русак. Водку так и хлещет... Даже закуски никакой не признает. Вот какой, брат, человек... Слабоват насчет баб, ну, да это нас не касается. Пусть за Парасковьей Ивановной ухаживает... Ха-ха!.. Она давеча за обедом чуть шею себе не вывихнула — все заглядывала на него.

«Старик» нахмурился. Его охватило в первый раз нехорошее ревнивое чувство. Положим, Егор Егорыч пользовался всегда некоторыми преимуществами, но к этому «Старик» уже привык и примирился до известной степени, а тут совсем другое. «Старик» возненавидел проклятого сербского человека...

VI

С появлением Пржча положение «Старика» сделалось совершенно невыносимым. То, о чем он раньше мог только догадываться, теперь сделалось фактом. Если бы фальшивая монета могла чувствовать свое фальшивое положение, вероятно, она испытывала бы то же самое, с той разницей, что она не могла бы любить Парасковью Ивановну и ревновать ее к проклятому сербскому человеку.

А компаньоны продолжали что-то замышлять против «Старика» и посвящали Пржча во все компанейские тонкости. Когда появлялся «Старик», они демонстративно умолкали и переглядывались между собой. Парасковья Ивановна непременно кончала разговор темой об эксплуатации, и «Старик» начинал краснеть, что было явным доказательством его виновности. А между тем «Старик» краснел за них же, за их слишком откровенное нахальство. Если бы Парасковья Ивановна могла видеть то, что делалось в душе «Старика», она никогда не говорила бы об эксплуатации. К заговору был приобщен и штейгер Лу-

ка, который был рад показать, что было нужно компаньонам. Он теперь стал держать себя с «барином» свысока, как настоящий предатель.

«Ужо барину-то канпаньены подвяджут хвост куфтой, — размышлял про себя Лука: — Лизунов-то вот как достигаает...»

Участь «Старика» была решена вперед, и Лука, в качестве опытного приискового дипломата, старался предупреждать события, выгораживая себя. Будет, послужил «барину», пора и честь знать. Лука тоже начал считать «барина» виноватым во всем и быстро убеждался, что это именно так.

В сущности, говоря, «Старик» ждал разрешения собиравшейся над его головой грозы с спокойным сердцем потому, что чувствовал себя кругом правым, и ему было даже жаль неблагодарных компаньонов, ослепленных жадностью. Да, богатство было вот тут, в двух шагах, и блеск золота вызывал алчность, затемняя все проявления совести. В этой азартной игре он оказывался теперь лишним, и он ушел бы с прииска, предоставив все компаньонам, если, бы не Парасковья Ивановна.

Ему хотелось от кого-то защищать ее, просто сказать ей наконец, какой он простой и хороший человек и как он любит ее. Про себя «Старик» говорил необыкновенно убедительные монологи, как не умел говорить даже Егор Егорыч, был находчив и остроумен больше Лизунова, даже смел и нахален, как Пржч. Ведь женщины любят немножко нахальства, того нахальства, которое действует на них неотразимо. О, как «Старик» понимал отлично все, решительно все, и, когда Парасковья Ивановна была бы его, он объяснил бы ей, что по натуре он совсем не нахальный человек и что сделался остроумным по необходимости. Раздумавшись на эту тему, «Старик» удивлялся, как это Парасковья Ивановна не видит всего того, что было скрыто в нем? Ведь он решительно всех умнее, храбрее, остроумнее, и если говорить правду, то и красивее. С этой точки зрения и

Егор Егорыч, и Лизунов, и Пржч казались «Старику» такими маленькими, чем-то вроде очень смешных насекомых, о которых не принято даже говорить из вежливости. А они еще мечтают что-то такое устроить ему...

— Ты, брат, того... не обижайся... — несколько раз успокаивал Лизунов, принимая дружеский тон, — твое дело верное, и для тебя же лучше. Чтобы не было личностей, мы пустим вопрос на баллотировку. Одним словом, парламентский способ.

— Да я и не беспокоюсь... Делайте, что хотите.

— Ну, вот отлично. Я тебя всегда уважал, как порядочного человека... Ты знаешь, как я тебя люблю.

— О, да...

Лизунов даже обиделся, когда на его слова «Старик» скептически улыбнулся. Это было еще первое проявление какой-то совершенно непонятной самостоятельности. Ему говорят серьезно, а он смеется... Это хоть кого может взорвать. А «Старик» стоял и улыбался. О чем они так хлопчут? Если бы они знали, как ему решительно все равно. Давно ли он сам мечтал о богатстве, и вот оно почти в руках, но сколько неприятностей оно принесло ему сразу! Давно ли он так любил вот хоть этого Лизунова и верил ему во всем, а сейчас он не может не видеть, как Лизунов хитрит с ним и

продает его не хуже предателя Луки. Если бы не Парасковья Ивановна, с каким удовольствием он бросил бы все, чтобы снова сделаться перекати-полем. Ведь это счастье — верить всем и жить так, как хочется.

В конторе, когда «Старик» уходил после вечернего чая в свою землянку, шли самые оживленные совещания.

— Он это нарочно делает, чтобы досадить нам, — объясняла Парасковья Ивановна поведение «Старика»; — я ему предлагала взять мои две комнаты, но он упрям... По моему мнению, у него на чердаке не совсем того...

Парасковья Ивановна в подтверждение своих слов вертела пальцем около своего лба, и все находили это остроумным.

— Меня удивляет одно, как такой человек мог найти золото? — говорил Пржч. — Положим, дуракам счастье, но все-таки...

— А вы забыли упрямство? Только из одного упрямства... Какой разумный человек в состоянии был бы прожить здесь один целое лето? Это, знаете, прямо сумасшествие...

— Очень милое сумасшествие, за которое теперь придется расплачиваться другим.

— Мы его будем судить судом Линча, — предлагал Ефим Иванович, припоминая какой-то роман Эмара; — кажется, все достаточно натерпелись от него...

Молчал, по обыкновению, один Егор Егорыч, считавший себя обиженным больше других. Утратив благосклонное внимание Парасковьи Ивановны, он теперь ко всем относился с презрением. Разве это люди? Если бы они знали, чем мог быть и чем должен был быть Егор Егорыч... Несчастные, они даже и представления не имеют, какие бывают люди. А всех отвратительнее была Парасковья Ивановна, проявившая способность быть только бабой.

— Что же, господа, потребуемте от него отчет по предварительным расходам, — предлагал Лизунов, — тогда все будет ясно.

Это предложение было встречено общим сочувствием, потому что все надеялись на неаккуратность «Старика», и Лука тоже уверял, что никаких счетов не писалось.

Некоторое замешательство произошло только по вопросу о том, как потребовать у «Старика» этот отчет. Ефим Иваныч заявил

откровенно:

— Что касается меня, господа, то я ни за какие коврижки к «Старику» за отчетом не пойду... Мне еще жизнь дорога, а неизвестно, что у него на уме. Возьмет да прямо в упор и выстрелит... Лука видел у него револьвер.

Это было уже смешно, и Лизунов вызвался все устроить. Он отправился в землянку к «Старику» днем, вскоре после обеда, когда он имел обыкновение сидеть с трубочкой у огня.

— Я к тебе по делу, «Старик», — начал Лизунов, подсаживаясь напротив; — предупреждаю вперед: не обижайся.

«Старик» только посмотрел на него своими усталыми глазами и пустил густой клуб табачного дыма.

— Видишь ли, в чем дело... Одним словом, ты знаешь, что у меня нет ничего заветного, когда дело коснется тебя. Я это так, к слову...

— Ну?..

— Мы, то есть компаньоны, решили, то есть не я, а другие... да, решили потребовать от тебя отчета предварительных расходов по разведкам на «Шестом номере». Ведь эти расходы должны быть разложены на всех поров-

ну... Понимаешь?

— Что же, я ничего против этого не имею. У меня все записано...

— Вот и отлично... — забормотал Лизунов, не ожидавший такого исхода своей дипломатической миссии, — да, отлично; ты знаешь, вообще, как я...

«Старик» ушел к себе в землянку, долго где-то рылся, что-то бормотал себе под нос и наконец вынес толстую приходо-расходную книгу в очень подержанном переплете.

— Вот, — коротко объяснил он, — тут все есть. Все мои оправдательные документы...

— Прекрасно. Я всегда был в тебе уверен, то есть в твоей аккуратности. Позволь-ка, я посмотрю...

«Старик» передал книгу, а потом схватил ее и потянул назад.

— Видишь ли... гм... — бормотал он смущенно, — эту книгу я никому не могу дать...

— Вот тебе раз!..

— Да уж так... кроме расходов, у меня тут занесены кое-какие заметки совершенно личного характера. Я могу только сам прочитать, то есть запись расходов.

— Гм... Знаешь, это немного странный способ отчитываться. Ведь эта книга — официальный документ, следовательно она принадлежит уже не тебе одному, а всей компании.

VII

«Старик» проявил невероятное упорство по поводу расходной книги, и потребовалось деятельное вмешательство самой Парасковьи Ивановны, чтобы ее отнять. Парасковья Ивановна именно отняла — пришла в землянку и отняла, несмотря на общественное мнение, относившееся к таким визитам неопытной девушки в берлогу старого холостяка не совсем одобрительно.

Все дело, конечно, заключалось в ненасытном женском любопытстве. Что такое мог написать «Старик» в этой таинственной книге?

— Сделайте это для меня, «Старик», — с предательской ласковостью уговаривала Парасковья Ивановна, она в последнее время для большей язвительности говорила «Старику» «вы». — Понимаете, для меня?

— Я не знаю... право... — замылся растерявшийся «Старик». — Это я для себя писал...

— Тем интереснее... Ну, не упрямитесь, голубчик!.. Ведь это вам решительно ничего не стоит...

Парасковья Ивановна заискивающе улыбка-

нулась, а эта улыбка окончательно погубила «Старика», как отравленная смертельным ядом стрела.

Таким образом таинственная книга очутилась в конторе. Составилось что-то вроде военного совета. Лизунов перелистывал книгу и пожимал плечами.

— Это какой-то роман, господа... — заявил он наконец с недоумением. — То есть дневник... Кто будет читать, да и читать ли? Говоря между нами, тут, вероятно, напорота страшная чушь.

— Читать! читать!.. Это лучший документ для наших целей...

По писанному все читали с трудом, и дело было предоставлено Егору Егорычу на том основании, что он когда-то был актером и даже играл на гитаре.

Все приготовились слушать. Егор Егорыч развернул книгу, разгладил измятый лист ладонью, откашлялся и спросил:

— Так читать, господа?

— Читать, читать...

Водворилось молчание. Егор Егорыч еще раз откашлялся и начал:

«16-го июня 1892 года, вершина реки Полу-денки. Бывают, положительно, роковые циф-ры, какой для меня является шесть. Судите са-ми. Родился я в 1856 году (самая непоправи-мая ошибка в моей жизни), сейчас я имею от-роду ровно 36 лет, выгнан я из шестого класса гимназии, ровно шесть раз поступал на служ-бу и ровно шесть раз ее бросал, и, наконец, се-годня, 16 июня, я пишу эти строки в землянке, на собственном золотом прииске, который носит роковое для меня название

„Шестой помер“ и за который я заплатил 616 рублей на казенных торгах»...

— Позвольте... — остановил Пржч, воору-жившись карандашом.- 616 рублей? Так и за-пишем. Продолжайте.

«Да, я начал свой дневник, потому что ис-пытываю непреодолимую потребность изли-чь свои мысли и чувства... Какое ужасное сло-во: нет людей! Я сейчас пишу на крышке сво-его походного чемодана, при свете сального огарка, вставленного в горлышко бутылки из-под водки, — и это последние признаки поки-нутой мной цивилизации. Мои мысли немно-го путаются, и я не могу изложить их вполне

последовательно. Дело в том, что нельзя требовать от человека душевного равновесия, когда вот уже третью неделю безостановочно льет дождь, упорный, беспощадный, нахальный, уничтожающий, бесконечный, проклятый дождь!.. Я чувствую, как понемногу превращаюсь в слизняка, в улитку, в устрицу, а моя землянка только раковина, и очень скверная раковина. Я начинаю думать, что господин дождь идет специально для меня, чтобы размыть до основания все мои расчеты, соображения, сметы и надежды. (В публичке движение. „Кажется, он хочет поставить нам в счет этот дождь?“ — шепчет кто-то.) Но и это еще не все. Когда моя партия только что привалила на „Шестой номер“ и едва мы успели развести первый огонек, как послышался свист, однообразный, методичный, как капли падающей воды. Что это такое?

— А это птица, Николай Сергеич, — объяснил мне мой штейгер Лука, кстати, преестественный плут. — Так она и прозывается: горюн. Как зарядит насвистывать — конца не будет.

И теперь эта адская пытка продолжается

уже целый месяц. Свист начинается с раннего утра и продолжается даже после заката солнца. Можно сойти с ума от этой проклятой птицы... Сколько раз я за ней ходил с ружьем, чтобы застрелить, и ничего не мог поделывать. Обещал рабочим три рубля, если ее убьют, и это не помогло. Потеряно только несколько рабочих дней, а горюн продолжает посвистывать. Какое нужно иметь проклятое горло, чтобы свистать целый месяц без передышки! Даже мои рабочие приходят в ярость и начинают проделывать целый ряд совершенно бесцельных штук — бросают камнями в то дерево, с которого раздается свист, бьют обухом по древесным стволам, стреляют из моего ружья и т. д.»

— Господа, на поле отметка: куплено два фунта пороха.

— Так и запишем: на горюна потрачено два фунта пороха и несколько рабочих дней, — считал Пржч. — Ведь за все мы должны расплачиваться...

«26. Дождь переставал дней на пять, но в это время рабочим приходилось отливать воду из старых шурфов. Вода вообще одолевает

меня и подступила к самой землянке, так что я даже подозревал, не начало ли это второго потопа. Кстати, о рабочих... Их шестеро, т. е. восемь, но двое получили задаток и бежали. Одного из этих каналов пришлось одеть с ног до головы. Что делать, люди отличаются неблагодарностью. Из оставшихся налицо на первом плане стоит Лука, большой плут, затем какой-то дьячок-бродяга, башкир Ахмет, отставной фотограф и еще двое очень подозрительных субъектов.

Сегодня утром меня будит Лука и говорит виноватым тоном:

— Николай Сергеич, а ведь у нас солонина-то того...

— Что, того?

— Значит, мы ее в яму закопали в лесу, чтобы не портилась. Ну, сегодня пошел плепорцию взять на варево, а яма разрыта... Значит, медведь всю ее и слопал, нашу солонину.

— Пять пудов?!

— Все дочиста слопал... Как его только не разорвало!

Это был жестокий удар для моего хозяйства. Нужно было посылать рабочего за

шестьдесят верст, а он проездил целую неделю. Но одна беда не приходит. Исчезло целое ведро водки.

Конечно, свалить эту пропажу на медведя было неудобно, и рабочие чистосердечно признались, что не утерпели и со скуки потихоньку выпили все ведро.

— Себе же хуже сделали, — говорю я, стараясь сохранить спокойствие. — Водка ведь для вас была куплена, но выпили бы ее в свое время, а теперь все равно, что за окно ее вылили...

— Это вы правильно, Николай Сергеич... А только и то сказать — тоска на этом „Шестом номере“. Смертынька... Один горюн всю душеньку вымотал.

Рабочие ожидали, что я буду ругаться, топтать ногами и вообще неистовствовать, поэтому несколько смущались, а когда ничего подобного не случилось, они отнеслись к факту совершенно равнодушно. Я не заметил даже тени раскаяния или мучений совести. Мало этого, я в их глазах уронил свой хозяйский авторитет процентов на двадцать... Вообще я теперь поневоле занимаюсь самыми тонки-

ми наблюдениями над приисковыми рабочими и прихожу к очень печальным заключениям. Приисковые рабочие, положим, даже по контракту не обязаны быть праведниками („Какая счастливая мысль!“ — заметил Ефим Иваныч), но их нравственный уровень несколько не выше, чем у медведя, съевшего мою солонину. Как мне казалось, совестьнее других был Лука, бывший севастопольский ратник, и я постепенно пробовал приводить его к сознанию, что пить чужую водку вообще нехорошо, а выпить ее в таком количестве даже вредно для здоровья.

— Да ведь мы ее росчали еще дорогой, Николай Сергеич, — ответил Лука в свое оправдание;— дьячок укладывался, он ее первый и унюхал.

— И никто из вас не подумал, что это нехорошо? — продолжал я. — Если бы я, например, украл у тебя сапоги и пропил их...

Понятие воровства и выпивка чужой водки никак не укладываются в голове Луки вместе. До этого рокового пункта он понимает все отлично, а тут делает глупое лицо и как-то особенно безнадежно моргает глазами. Един-

ственное и самое лучшее, что можно и следовало сделать, — это прогнать всех с прииска в шею и нанять других рабочих, но, во-первых, подобная резолюция стоила бы недели три дорогого летнего рабочего времени, а во-вторых — все приисковые рабочие, как откровенно объяснил Лука, „все на одну колодку, перо в перо когда из ничтожества возникают миллионеры. Эти баловни судьбы у всех на глазах, и происхождение их богатства окружено целыми легендами. Их имена превращаются во что-то вроде обиходной монеты, делаются нарицательными настолько, что ими думают. Кто не знает Парфенова, Егорова, Мокрякова, Большакова? Все они начали ни с чего, терпели всевозможные превратности судьбы и закончили миллионами.

Может быть, самым неисправимейшим из этих мечтателей был Николай Сергеич Крутиков, он же „Старик“. Это был человек, который мог существовать только на фоне приисковой обстановки и совершенно не существовавший вне ее. Он убил всю жизнь на промышленное дело. Начал он, как большинство, с небольшого капитала, доставшегося в наслед-

ство. Капитал был зарыт в одно лето, и „Старик“ оказался выброшенным на приисковую улицу без гроша в кармане. Много лет он перебивался мелкой приисковой службой, по грошам скапливал небольшие суммы, чтобы зарыть их и опять мыкать горе, утешая себя несбыточными мечтами. Всегда оказывалось как-то так, что для счастья недоставало каких-нибудь пустяков, иногда нескольких десятков рублей, и другие обогащались там, где „Старик“ разорялся. После каждого неудачного опыта он строго проверял себя и находил истинные причины краха. Это была настоящая школа неудач. Прибавьте к этому замечательное упорство и веру в себя, граничащую с помешательством. Знакомые считали „Старика“ немного повихнувшимся и говорили:

— А черт его знает, дуракам счастье...

Последнее, кажется, служило главным основанием всей удивительной карьеры „Старика“, так что в него даже начали верить, как в лунатика, который пройдет там, где нормальный человек свалится десять раз от страха.

Ближайший друг „Старика“ (он питал все-

гда большое влечение к деликатным чувствам), Андрей Ильич Лизунов, тоже приискковое перекасти-поле, особенно изоцрял свое остроумие по поводу приятеля. Лизунов страдал остроумием, как другие золотухой или чечоткой. Друг Лизунов говорил так:

— „Старику“ недостает только денег, чтобы сделаться богачом, а глупости для этого у него достаточно вполне.

Уколы дружбы „Старик“ переносил стоически, как законное возмездие за скрытую слабость своей души, и сообщил первому Лизунову об открытом золоте на „Шестом номере“. Это открытие было совершенно неожиданно и взволновало весь промысловый мир, как новое доказательство дикого счастья. Лизунов, получивший приглашение войти в компанию к верному делу, говорил:

— Да, да... Дуракам счастье. Этому оболтусу, и вдруг богатство.

Приискковая жадная голь была убеждена в глубокой несправедливости судьбы и злословила по адресу „Старика“. Во всей этой истории было что-то таинственное. „Старик“ забрался с маленькими средствами в самую

глухую трущобу, где и пропал целое лето, питаюсь одними сухарями и пшенной кашей. Осенью он вернулся пешком, оборванный, голодный, обросший волосами, как настоящий дикарь. Золото было найдено верное, но нужно было его взять, а для этого требовались средства. Тут выручил Лизунов.

— Мы составим компанию на паях, — объяснял он. — Ты будешь главным пайщиком, а другие дадут средства. Понимаешь?

„Старик“ верил Лизунову, потому что любил его. На сцену сразу явились и капиталисты — Ефим Иваныч и Парасковья Ивановна Артюховы (они с часа на час ожидали наследства после умиравшей третий год двоюродной тетки), а потом Егор Егорыч Иванов (у него был дом, принадлежащий жене, с которой он не жил пятнадцать лет). Составлено было формальное условие новой компании, и все отправились на „Шестой номер“. Правда, что при отъезде у компаньонов не оказалось ни гроша за душой — тетка Артюховых продолжала еще умирать, а жена Иванова продала дом и бежала, но это были пустяки. Молва уже разнесла весть о золоте на „Шестом номе-

ре“, и „Старик“ без особенных затруднений нашел кредит. Компаньоны нисколько не были смущены этим обстоятельством и быстро вошли в роль настоящих владельцев. В успехах „Старика“ они видели как бы косвенное оскорбление их и с негодованием говорили:

— Что же тут удивительного, если этому дураку дают деньги? Дайте нам, и мы бы тоже взяли...

Контора и казарма для рабочих были выстроены еще зимой. На „Шестом номере“ жил в своей землянке всю зиму один „Старик“, и компаньоны явились только весной, когда все уже было готово. Лизунов страшно раскритиковал все, что было сделано, и даже кричал на „Старика“:

— Так может делать только сумасшедший! Разве это контора? Конюшня какая-то...

Известно, что на Лизунова нельзя было сердиться: он всегда волновался и кричал, а на других тем меньше. В глубине души „Старик“ даже был ему благодарен, потому что только Лизунов мог завести Парасковью Ивановну в такую трущобу. На промыслах женщина представляет предмет роскоши, даже

самая простая баба, а Лизунов приспособил настоящую даму. Парасковье Ивановне было за тридцать лет и особенной привлекательностью она не отличалась, а мужской голос, резкие манеры и красное лицо делали ее „полумужичьем“, как говорил Лука. Но „Старик“ всю жизнь провел бобылем и видел женщину так близко в первый раз. Он проникся каким-то благоговением к Парасковье Ивановне, в которой, как в фокусе, сосредоточивались все женские прелести. В довершение всего, Парасковья Ивановна была девица, то есть существо, затаившее в себе какое-то особенно таинственное счастье, которым имел быть награжден еще более таинственный избранник ее сердца. На „Старика“ точно пахнуло никогда еще не испытанным теплом, и он часто смотрел на Парасковью Ивановну такими глазами, точно она могла вспорхнуть или разбиться.

— Этот дурак, кажется, влюблен в тебя, — заметил довольно грубо Ефим Иваныч сестре. — Я ему все ребра переломаю...

— Оставь его, — со вздохом проговорила Парасковья Ивановна: — пока он ничего еще

такого не делает... Мало ли кто кого любит, — прибавила она таинственно:- сердцу не прикажешь...

В специальном ведении Парасковьи Ивановны оказалась вся область любовной психологии и жизни сердца вообще. На промыслах на каждую женщину смотрели очень уж просто, без всяких иллюзий даже, больше того — как на печальную необходимость, что Егор Егорыч мог подтвердить собственным примером.

Молчаливое обожание «Старика» сделалось неистощимой темой, особенно для Лизунова, который говорил:

— Дураки отличаются от умных людей тем, что каждый по-своему с ума сходит.

Про себя Лизунов называл Парасковью Ивановну приисковой кувалдой и чертовой куклой.

— Он приехал!
 Это случилось ночью, когда весь прииск спал. Штейгер Лука, страдавший старческой бессонницей, первый услышал лошадиный топот и сразу определил опытным ухом:

— Три конника едут, барин...

— Как три? — испугался «Старик». — Лизунов уехал только с одним бережным...

Уехал вдвоем, а воротился втроем. Кто мог быть этот третий? В душу «Старика» закралось тайное предчувствие чего-то нехорошего, но в контору он не пошел. Утром все объяснится. Однако всю ночь он спал очень плохо и видел во сне какую-то невообразимую чепуху.

Утром Лука заметил:

— Коней-то было три, а голосов четыре... Четвертый-то как будто не по-нашему лопочет. Прах его разберет...

«Старик» умылся, оделся и отправился в контору с тайным предчувствием чего-то дурного... На «веранде» вся компания уже распо-

ложились вокруг чайного стола. Когда он подходил, раздался громкий крик:

— Дуррак!.. Дуррак!..

Все разом захохотали, особенно Парасковья Ивановна. «Старик» остановился в смущении и только теперь заметил большую медную клетку с попугаем. Это был сюрприз Лизунова Парасковье Ивановне, которая всю жизнь мечтала о говорящем попугае. Парасковья Ивановна сияла.

Лизунов, плотный мужчина с окладистой бородой и веселыми голубыми глазами, приветствовал «Старика» с снисходительной фамильярностью:

— Ну, здравствуй, старина. На попку ты не сердись... Птица — все-таки умная. А вот я еще компаньона привез: прошу любить и жаловать... Федор Матвеич Пржч.

Раздался опять общий хохот. Парасковью Ивановну начали душить слезы. Из-за стола поднялся господин с лихо закрученными усами, стриженный под гребенку и одетый в канусовую шелковую рубашку и бархатную поддевку.

— Это я, — коротко объяснил он, протяги-

вая руку. — Моя фамилия действительно немного странная для непривычного русского уха, но я — серб и ничего не могу поделать. Можно произносить так: Пржич. Это все равно...

«Старик» в это время сосчитал присутствующих и окончательно смутился: получилась роковая для него цифра шесть. Эта цифра положительно преследовала его.

— Я с ним случайно познакомился, — объяснял Лизунов, прихлебывая чай из своего стакана, — и просто ахнул, когда узнал фамилию. Да ведь такого человека до самой Москвы не сыщешь, а нам в самый раз... Он, брат, дока по части двойной итальянской бухгалтерии. Ты вот все на Ефима Иваныча нападал за счета, ну, теперь мы все дело поведем начистоту. Вообще надо сосчитаться. Короче счета — дальше дружба...

— Что же я... я ничего не имею против, — виновато бормотал «Старик». — Я очень рад.

«Старик» понял только одно, что этот Пржч и был тот самый таинственный он, о котором говорила Парасковья Ивановна. Она была предупреждена Лизуновым с какой-то

«оказией». Затем «Старик» понял, что Егору Егорычу дана была уже чистая отставка и девичье сердце Парасковьи Ивановны билось теперь для этого сомнительного сербского человека. Очевидно, Лизунов для этой цели и привез его. Он не мог жить, чтобы не выкинуть какой-нибудь замысловатой штуки. Егор Егорыч сидел темнее тучи, — еще раз он должен был пострадать от женщины. О, несправедливая судьба! О, неумолимый жребий!..

Чай прошел очень весело. Лизунов привез два новых анекдота, которые рассказал еще раз для «Старика». Все опять смеялись, а Пржч играл золотой цепочкой и внимательно наблюдал. «Старик» смотрел в свой стакан, как приговоренный к какому-то наказанию.

— Да, чуть не забыл... — спохватился Лизунов: — золото я сдал, получил за него ассигновки, а за них деньги. Пришлось немного потерять из комиссии, ну, да ничего не поделаешь. Вот Пржч все разберет... Он в этих делах собаку съел. Ты ничего не имеешь, конечно, что я купил попугая на компанейский счет?

— Решительно ничего...

— И еще привез два олеандра и банку варенья. Ты согласен?

— Очень...

— Ну, вот... я был уверен. Ведь Парасковья Ивановка у нас одна, а наша обязанность усладить ее жизнь в этой трущобе.

— Я вас совсем не просила делать сюрпризы... — жеманно ответила Парасковья Ивановна.

За завтраком «Старик» был свидетелем очень интересной сцены, которую понял только потом. Главным действующим лицом была Парасковья Ивановна. Она, очевидно, старалась показать себя с самой лучшей стороны перед новым человеком и завела горячий спор.

— Я разделяю людей на две половины, — ораторствовала она: — одни эксплуатируют, а другие, которых эксплуатируют. Так было всегда и, вероятно, будет.

— Вы уж очень мрачно смотрите на жизнь, — сказал Пржч с мягкостью большого человека, который говорит с ребенком. — Да... Наконец эксплуататора всегда можно ограничить.

— По-моему, все надо начистоту! — вступился Ефим Иваныч. — А иначе на Английскую набережную кули таскать.

— Я говорю вообще о человеческой природе, господа, — объясняла свою мѣгсль Парасковья Ивановна: — отдельные факты решительно ничего не доказывают... Вы встретили на улице хромого, что это доказывает? Это не значит, конечно, что все должны быть хромыми, а только то, что существуют уроды.

Весь спор сводился на эксплуатации кем-то и кого-то. Егор Егорыч мрачно смотрел на «Старика» и с ожесточением жег одну папиросу за другой. Время от времени и другие тоже поглядывали на «Старика», но он ничего не понимал, больше, он решительно не желал ничего понимать. Его бессовестность начинала возмущать Парасковью Ивановну в окончательной форме.

— По-моему, просто есть нравственные уроды, как и физические, — подчеркивая слова, заметила она: — они утрачивают даже способность стыдиться...

За обедом обсуждалась та же тема об эксплуатации, эксплуататорах и эксплуатируе-

мых, и «Старик» опять притворился ничего не понимающим. Это было возмутительно до последней степени.

Вечером, впрочем, все разъяснилось.

После ужина Лизунов отправился провожать «Старика» до его землянки. Ночь была великолепная, и впечатление портилось только стонами неугомонного горюна, который нынче насвистывал даже ночью. Лизунов взял «Старика» под руку и, шагая рядом, говорил самым задушевным топом:

— Ты знаешь, «Старик», как я тебя люблю? Никто не желает тебе добра столько, как я... Согласен?

— Да...

— Тебе повезло дикое счастье... да? Так... но это еще не значит, что ты должен эксплуатировать своих друзей.

— Я?! Эксплуатировать?!

— Да, эксплуатировать. Ты знаешь, что я человек откровенный и говорю прямо. Все возмущены против тебя, а всех больше Парасковья Ивановна. Мне большого труда стоило уговорить ее остаться здесь, — то есть на «Шестом номере».

— И она против меня?

— Она-то и есть главная... Ну, как это сказать? Главный твой враг... то есть не враг, а недовольная. Я тебе говорю все это только по дружбе... Понимаешь? Между нами, как говорят французы. А потом, какое мое положение? Я их всех пригласил в компанию, и вдруг... Вообще ты меня поставил в самое невозможное положение.

— Что же мне делать? — взмолился «Старик»: — ведь я никому не делал зла... я не хотел... а Парасковья Ивановна просто несправедлива ко мне.

— Ну, ты совсем не знаешь женщин, а все женщины, братец, одинаковы. Они созданы несправедливыми... Вообще не стоит говорить. Да... Так вот я — ты знаешь, как я люблю тебя — и привез этого Пржча. Пусть он всех нас рассудит.

— Позволь, почему же именно он, а не кто-нибудь другой? Ведь он совсем чужой человек...

— Вот это-то и важно, что он совсем чужой, а это значит, что он будет совершенно беспристрастен. Понял?

— Что же, вы хотите судить меня?

— Не судить, а только разобрать все дела. Путаница, понятно, выходит, а для компании это смерть... понимаешь... У него только фамилия сербская, а сам он настоящий русак. Водку так и хлещет... Даже закуски никакой не признает. Вот какой, брат, человек... Слабоват насчет баб, ну, да это нас не касается. Пусть за Парасковьей Ивановной ухаживает... Ха-ха!.. Она давеча за обедом чуть шею себе не вывихнула — все заглядывала на него.

«Старик» нахмурился. Его охватило в первый раз нехорошее ревнивое чувство. Положим, Егор Егорыч пользовался всегда некоторыми преимуществами, но к этому «Старик» уже привык и примирился до известной степени, а тут совсем другое. «Старик» возненавидел проклятого сербского человека...

VI

С появлением Пржча положение «Старика» сделалось совершенно невыносимым. То, о чем он раньше мог только догадываться, теперь сделалось фактом. Если бы фальшивая монета могла чувствовать свое фальшивое положение, вероятно, она испытывала бы то же самое, с той разницей, что она не могла бы любить Парасковью Ивановну и ревновать ее к проклятому сербскому человеку.

А компаньоны продолжали что-то замышлять против «Старика» и посвящали Пржча во все компанейские тонкости. Когда появлялся «Старик», они демонстративно умолкали и переглядывались между собой. Парасковья Ивановна непременно кончала разговор темой об эксплуатации, и «Старик» начинал краснеть, что было явным доказательством его виновности. А между тем «Старик» краснел за них же, за их слишком откровенное нахальство. Если бы Парасковья Ивановна могла видеть то, что делалось в душе «Старика», она никогда не говорила бы об эксплуатации. К заговору был приобщен и штейгер Лу-

ка, который был рад показать, что было нужно компаньонам. Он теперь стал держать себя с «барином» свысока, как настоящий предатель.

«Ужо барину-то канпаньены подвяджут хвост кудфтой, — размышлял про себя Лука: — Лизунов-то вот как достигаает...»

Участь «Старика» была решена вперед, и Лука, в качестве опытного приискового дипломата, старался предупреждать события, выгораживая себя. Будет, послужил «барину», пора и честь знать. Лука тоже начал считать «барина» виноватым во всем и быстро убеждался, что это именно так.

В сущности, говоря, «Старик» ждал разрешения собиравшейся над его головой грозы с спокойным сердцем потому, что чувствовал себя кругом правым, и ему было даже жаль неблагодарных компаньонов, ослепленных жадностью. Да, богатство было вот тут, в двух шагах, и блеск золота вызывал алчность, затемняя все проявления совести. В этой азартной игре он оказывался теперь лишним, и он ушел бы с прииска, предоставив все компаньонам, если, бы не Парасковья Ивановна.

Ему хотелось от кого-то защищать ее, просто сказать ей наконец, какой он простой и хороший человек и как он любит ее. Про себя «Старик» говорил необыкновенно убедительные монологи, как не умел говорить даже Егор Егорыч, был находчив и остроумен больше Лизунова, даже смел и нахален, как Пржч. Ведь женщины любят немножко нахальства, того нахальства, которое действует на них неотразимо. О, как «Старик» понимал отлично все, решительно все, и, когда Парасковья Ивановна была бы его, он объяснил бы ей, что по натуре он совсем не нахальный человек и что сделался остроумным по необходимости. Раздумавшись на эту тему, «Старик» удивлялся, как это Парасковья Ивановна не видит всего того, что было скрыто в нем? Ведь он решительно всех умнее, храбрее, остроумнее, и если говорить правду, то и красивее. С этой точки зрения и

Егор Егорыч, и Лизунов, и Пржч казались «Старику» такими маленькими, чем-то вроде очень смешных насекомых, о которых не принято даже говорить из вежливости. А они еще мечтают что-то такое устроить ему...

— Ты, брат, того... не обижайся... — несколько раз успокаивал Лизунов, принимая дружеский тон, — твое дело верное, и для тебя же лучше. Чтобы не было личностей, мы пустим вопрос на баллотировку. Одним словом, парламентский способ.

— Да я и не беспокоюсь... Делайте, что хотите.

— Ну, вот отлично. Я тебя всегда уважал, как порядочного человека... Ты знаешь, как я тебя люблю.

— О, да...

Лизунов даже обиделся, когда на его слова «Старик» скептически улыбнулся. Это было еще первое проявление какой-то совершенно непонятной самостоятельности. Ему говорят серьезно, а он смеется... Это хоть кого может взорвать. А «Старик» стоял и улыбался. О чем они так хлопчут? Если бы они знали, как ему решительно все равно. Давно ли он сам мечтал о богатстве, и вот оно почти в руках, но сколько неприятностей оно принесло ему сразу! Давно ли он так любил вот хоть этого Лизунова и верил ему во всем, а сейчас он не может не видеть, как Лизунов хитрит с ним и

продает его не хуже предателя Луки. Если бы не Парасковья Ивановна, с каким удовольствием он бросил бы все, чтобы снова сделаться перекати-полем. Ведь это счастье — верить всем и жить так, как хочется.

В конторе, когда «Старик» уходил после вечернего чая в свою землянку, шли самые оживленные совещания.

— Он это нарочно делает, чтобы досадить нам, — объясняла Парасковья Ивановна поведение «Старика»; — я ему предлагала взять мои две комнаты, но он упрям... По моему мнению, у него на чердаке не совсем того...

Парасковья Ивановна в подтверждение своих слов вертела пальцем около своего лба, и все находили это остроумным.

— Меня удивляет одно, как такой человек мог найти золото? — говорил Пржч. — Положим, дуракам счастье, но все-таки...

— А вы забыли упрямство? Только из одного упрямства... Какой разумный человек в состоянии был бы прожить здесь один целое лето? Это, знаете, прямо сумасшествие...

— Очень милое сумасшествие, за которое теперь придется расплачиваться другим.

— Мы его будем судить судом Линча, — предлагал Ефим Иванович, припоминая какой-то роман Эмара; — кажется, все достаточно натерпелись от него...

Молчал, по обыкновению, один Егор Егорыч, считавший себя обиженным больше других. Утратив благосклонное внимание Парасковьи Ивановны, он теперь ко всем относился с презрением. Разве это люди? Если бы они знали, чем мог быть и чем должен был быть Егор Егорыч... Несчастные, они даже и представления не имеют, какие бывают люди. А всех отвратительнее была Парасковья Ивановна, проявившая способность быть только бабой.

— Что же, господа, потребуемте от него отчет по предварительным расходам, — предлагал Лизунов, — тогда все будет ясно.

Это предложение было встречено общим сочувствием, потому что все надеялись на неаккуратность «Старика», и Лука тоже уверял, что никаких счетов не писалось.

Некоторое замешательство произошло только по вопросу о том, как потребовать у «Старика» этот отчет. Ефим Иваныч заявил

откровенно:

— Что касается меня, господа, то я ни за какие коврижки к «Старику» за отчетом не пойду... Мне еще жизнь дорога, а неизвестно, что у него на уме. Возьмет да прямо в упор и выстрелит... Лука видел у него револьвер.

Это было уже смешно, и Лизунов вызвался все устроить. Он отправился в землянку к «Старику» днем, вскоре после обеда, когда он имел обыкновение сидеть с трубочкой у огня.

— Я к тебе по делу, «Старик», — начал Лизунов, подсаживаясь напротив; — предупреждаю вперед: не обижайся.

«Старик» только посмотрел на него своими усталыми глазами и пустил густой клуб табачного дыма.

— Видишь ли, в чем дело... Одним словом, ты знаешь, что у меня нет ничего заветного, когда дело коснется тебя. Я это так, к слову...

— Ну?..

— Мы, то есть компаньоны, решили, то есть не я, а другие... да, решили потребовать от тебя отчета предварительных расходов по разведкам на «Шестом номере». Ведь эти расходы должны быть разложены на всех поров-

ну... Понимаешь?

— Что же, я ничего против этого не имею. У меня все записано...

— Вот и отлично... — забормотал Лизунов, не ожидавший такого исхода своей дипломатической миссии, — да, отлично; ты знаешь, вообще, как я...

«Старик» ушел к себе в землянку, долго где-то рылся, что-то бормотал себе под нос и наконец вынес толстую приходо-расходную книгу в очень подержанном переплете.

— Вот, — коротко объяснил он, — тут все есть. Все мои оправдательные документы...

— Прекрасно. Я всегда был в тебе уверен, то есть в твоей аккуратности. Позволь-ка, я посмотрю...

«Старик» передал книгу, а потом схватил ее и потянул назад.

— Видишь ли... гм... — бормотал он смущенно, — эту книгу я никому не могу дать...

— Вот тебе раз!..

— Да уж так... кроме расходов, у меня тут занесены кое-какие заметки совершенно личного характера. Я могу только сам прочитать, то есть запись расходов.

— Гм... Знаешь, это немного странный способ отчитываться. Ведь эта книга — официальный документ, следовательно она принадлежит уже не тебе одному, а всей компании.

VII

«Старик» проявил невероятное упорство по поводу расходной книги, и потребовалось деятельное вмешательство самой Парасковьи Ивановны, чтобы ее отнять. Парасковья Ивановна именно отняла — пришла в землянку и отняла, несмотря на общественное мнение, относившееся к таким визитам неопытной девушки в берлогу старого холостяка не совсем одобрительно.

Все дело, конечно, заключалось в ненасытном женском любопытстве. Что такое мог написать «Старик» в этой таинственной книге?

— Сделайте это для меня, «Старик», — с предательской ласковостью уговаривала Парасковья Ивановна, она в последнее время для большей язвительности говорила «Старику» «вы». — Понимаете, для меня?

— Я не знаю... право... — замылся растерявшийся «Старик». — Это я для себя писал...

— Тем интереснее... Ну, не упрямитесь, голубчик!.. Ведь это вам решительно ничего не стоит...

Парасковья Ивановна заискивающе улыб-

нулась, а эта улыбка окончательно погубила «Старика», как отравленная смертельным ядом стрела.

Таким образом таинственная книга очутилась в конторе. Составилось что-то вроде военного совета. Лизунов перелистывал книгу и пожимал плечами.

— Это какой-то роман, господа... — заявил он наконец с недоумением. — То есть дневник... Кто будет читать, да и читать ли? Говоря между нами, тут, вероятно, напорота страшная чушь.

— Читать! читать!.. Это лучший документ для наших целей...

По писанному все читали с трудом, и дело было предоставлено Егору Егорычу на том основании, что он когда-то был актером и даже играл на гитаре.

Все приготовились слушать. Егор Егорыч развернул книгу, разгладил измятый лист ладонью, откашлялся и спросил:

— Так читать, господа?

— Читать, читать...

Водворилось молчание. Егор Егорыч еще раз откашлялся и начал:

«16-го июня 1892 года, вершина реки Полу-денки. Бывают, положительно, роковые циф-ры, какой для меня является шесть. Судите са-ми. Родился я в 1856 году (самая непоправи-мая ошибка в моей жизни), сейчас я имею от-роду ровно 36 лет, выгнан я из шестого класса гимназии, ровно шесть раз поступал на служ-бу и ровно шесть раз ее бросал, и, наконец, се-годня, 16 июня, я пишу эти строки в землянке, на собственном золотом прииске, который носит роковое для меня название

„Шестой помер“ и за который я заплатил 616 рублей на казенных торгах...

— Позвольте... — остановил Пржч, воору-жившись карандашом.- 616 рублей? Так и за-пишем. Продолжайте.

„Да, я начал свой дневник, потому что ис-пытываю непреодолимую потребность изли-чь свои мысли и чувства... Какое ужасное сло-во: нет людей! Я сейчас пишу на крышке сво-его походного чемодана, при свете сального огарка, вставленного в горлышко бутылки из-под водки, — и это последние признаки поки-нутой мной цивилизации. Мои мысли немно-го путаются, и я не могу изложить их вполне

последовательно. Дело в том, что нельзя требовать от человека душевного равновесия, когда вот уже третью неделю безостановочно льет дождь, упорный, беспощадный, нахальный, уничтожающий, бесконечный, проклятый дождь!.. Я чувствую, как понемногу превращаюсь в слизняка, в улитку, в устрицу, а моя землянка только раковина, и очень скверная раковина. Я начинаю думать, что господин дождь идет специально для меня, чтобы размыть до основания все мои расчеты, соображения, сметы и надежды. (В публичке движение. „Кажется, он хочет поставить нам в счет этот дождь?“ — шепчет кто-то.) Но и это еще не все. Когда моя партия только что привалила на „Шестой номер“ и едва мы успели развести первый огонек, как послышался свист, однообразный, методичный, как капли падающей воды. Что это такое?

— А это птица, Николай Сергеич, — объяснил мне мой штейгер Лука, кстати, преестественный плут. — Так она и прозывается: горюн. Как зарядит насвистывать — конца не будет.

И теперь эта адская пытка продолжается

уже целый месяц. Свист начинается с раннего утра и продолжается даже после заката солнца. Можно сойти с ума от этой проклятой птицы... Сколько раз я за ней ходил с ружьем, чтобы застрелить, и ничего не мог поделать. Обещал рабочим три рубля, если ее убьют, и это не помогло. Потеряно только несколько рабочих дней, а горюн продолжает посвистывать. Какое нужно иметь проклятое горло, чтобы свистать целый месяц без передышки! Даже мои рабочие приходят в ярость и начинают проделывать целый ряд совершенно бесцельных штук — бросают камнями в то дерево, с которого раздается свист, бьют обухом по древесным стволам, стреляют из моего ружья и т. д.“

— Господа, на поле отметка: куплено два фунта пороха.

— Так и запишем: на горюна потрачено два фунта пороха и несколько рабочих дней, — считал Пржч. — Ведь за все мы должны расплачиваться...

„26. Дождь переставал дней на пять, но в это время рабочим приходилось отливать воду из старых шурфов. Вода вообще одолевает

меня и подступила к самой землянке, так что я даже подозревал, не начало ли это второго потопа. Кстати, о рабочих... Их шестеро, т. е. восемь, но двое получили задаток и бежали. Одного из этих каналов пришлось одеть с ног до головы. Что делать, люди отличаются неблагодарностью. Из оставшихся налицо на первом плане стоит Лука, большой плут, затем какой-то дьячок-бродяга, башкир Ахмет, отставной фотограф и еще двое очень подозрительных субъектов.

Сегодня утром меня будит Лука и говорит виноватым тоном:

— Николай Сергеич, а ведь у нас солонина-то того...

— Что, того?

— Значит, мы ее в яму закопали в лесу, чтобы не портилась. Ну, сегодня пошел плепорцию взять на варево, а яма разрыта... Значит, медведь всю ее и слопал, нашу солонину.

— Пять пудов?!

— Все дочиста слопал... Как его только не разорвало!

Это был жестокий удар для моего хозяйства. Нужно было посылать рабочего за

шестьдесят верст, а он проездил целую неделю. Но одна беда не приходит. Исчезло целое ведро водки.

Конечно, свалить эту пропажу на медведя было неудобно, и рабочие чистосердечно признались, что не утерпели и со скуки потихоньку выпили все ведро.

— Себе же хуже сделали, — говорю я, стараясь сохранить спокойствие. — Водка ведь для вас была куплена, но выпили бы ее в свое время, а теперь все равно, что за окно ее вылили...

— Это вы правильно, Николай Сергеич... А только и то сказать — тоска на этом „Шестом номере“. Смертынька... Один горюн всю душеньку вымотал.

Рабочие ожидали, что я буду ругаться, топтать ногами и вообще неистовствовать, поэтому несколько смущались, а когда ничего подобного не случилось, они отнеслись к факту совершенно равнодушно. Я не заметил даже тени раскаяния или мучений совести. Мало этого, я в их глазах уронил свой хозяйский авторитет процентов на двадцать... Вообще я теперь поневоле занимаюсь самыми тонки-

ми наблюдениями над приисковыми рабочими и прихожу к очень печальным заключениям. Приисковые рабочие, положим, даже по контракту не обязаны быть праведниками („Какая счастливая мысль!“ — заметил Ефим Иванович), но их нравственный уровень несколько не выше, чем у медведя, съевшего мою солонину. Как мне казалось, совестьнее других был Лука, бывший севастопольский ратник, и я постепенно пробовал приводить его к сознанию, что пить чужую водку вообще нехорошо, а выпить ее в таком количестве даже вредно для здоровья.

— Да ведь мы ее росчали еще дорогой, Николай Сергеич, — ответил Лука в свое оправдание;— дьячок укладывался, он ее первый и унюхал.

— И никто из вас не подумал, что это нехорошо? — продолжал я. — Если бы я, например, украл у тебя сапоги и пропил их...

Понятие воровства и выпивка чужой водки никак не укладываются в голове Луки вместе. До этого рокового пункта он понимает все отлично, а тут делает глупое лицо и как-то особенно безнадежно моргает глазами. Един-

ственное и самое лучшее, что можно и следовало сделать, — это прогнать всех с прииска в шею и нанять других рабочих, но, во-первых, подобная резолюция стоила бы недели три дорогого летнего рабочего времени, а во-вторых — все приисковые рабочие, как откровенно объяснил Лука, «все на одну колодку, перо в перо». Положение довольно безнадежное...

— Господа, необходимо подвести счет, — предлагает Пржч, делая отметки карандашом. — Во-первых, черная неблагодарность двух убежавших рабочих... легкий завтрак медведя, съевшего пять пудов нашей солонины... ведро водки, росчатое любопытным дьячком... Вообще, получаются специальные графы, по которым придется разносить эти предварительные расходы.

Все хохотали до слез, и каждый изоощрял остроумие в свою долю.

— Нужно прибавить еще безнравственность Луки, господа...

Собственно запись расходов была занесена на полях, и приходилось делать выборки по датам дневника. Это была самая оригиналь-

ная приходо-расходная книга, когда-либо существовавшая.

VIII

Чтение дневника продолжалось и на следующий день. Это было лучшим развлечением среди приисковой скуки. Читал опять Егор Егорыч. Даже он на время потерял свой обиженный вид.

— Господа, внимание...

«Августа 6. Странно, что, когда я брал прииск в аренду, не было даже мысли о самом ближайшем, т. е. о помещении. Воображение рисовало картину во вкусе Майн-Рида, и себя самого я представлял чем-то вроде Робинзона. Говорили, что на „Шестом номере“ есть что-то, и это „что-то“ оказалось полуразвалившейся землянкой. Но как-нибудь можно перебиться до осени, а разведки сделать необходимо. В двух шурфах оказались порядочные „знаки золота“. Беда в том, что рядом было совершенно пусто. Это меня серьезно огорчает.

— В горах завсегда так, Николай Сергеевич, — успокаивает меня Лука в качестве специалиста: — речонка крутая, ну, золото и подбилося гнездами...

— Этак и правильные работы нельзя будет

поставить.

— А отчего нельзя? Можно натакаться на огромное гнездо, вот все и окупится сразу.

— Гм... да... Конечно, бывают случаи.

— Все от того, Николай Сергеич, у кого какое счастье... На одном месте могут пять человек разориться, а шестой разбогатеть.

— Шестой?

— Кому, говорится, счастье...

А если я именно этот шестой? У меня даже является что-то вроде надежды. Впрочем, молчание... Настоящие игроки никогда не смотрят своих карт, пока не сдана вся колода. Будем ждать и терпеть. Вчера нашу землянку чуть не залило водой, которая просочилась где-то в стене. Положение становится проклятым. Рабочие ропщут, и я начинаю ждать открытого восстания моих верных подданных. В общем скверно. Впрочем, погода, по-видимому, желает исправиться. Было уже два солнечных дня!

12 августа. Ура! Солнце... Запоздавшее солнце, но все-таки солнце. Ведь все лето было отчаянно-дождливое, а тут и свет и тепло.

Рабочие заметно приободрились. Но в самый разгар работы неожиданный сюрприз. Сегодня утром приходит Лука, по обыкновению несколько времени мнетя, а потом говорит залпом:

— Николай Сергеич, а ведь хлеба-то у нас нет.

— Как нет?

— Да уж так: все съели.

— Что же ты раньше ничего не говорил, Лука?

— А што говорить, когда он был. На завтра еще хватит. Надо будет дьячка послать, потому как у него лошадь. Она живой рукой обернется... Уж дьячок обыщет... Тут где-то есть деревнюшка, верстах в пятидесяти.

— А что мы будем делать, пока он ездит?

— Поголодаем малость. У воды без хлеба пока еще не сиживали.

Дьячок получил пять рублей на хлеб и отправился в экспедицию. Мы его провожали самыми трогательными советами.

— Уж я постараюсь, — говорил он с каким-то самодовольством. — Уж будьте покойны. Из земли добуду.

— Водки, главное, не касайся, — советовал Лука.

Августа 10. Увы! мы голодаем уже третьи сутки. Настоящий форменный голод. Чтобы обмануть желудок, пьем горячий настой из шалфея и едим грибы. Лука добывает в лесу луковицы горной саранки, и мы делаем из нее похлебку. Положение становится безвыходным. Ходил на охоту, но ничего не убил. Голодные рабочие мрачно отмалчиваются. Заставлять работать голодных людей несправедливо, и они ровно ничего не делают. Конечно, во всем виноват Лука, не предупредивший вовремя. Сегодня он, впрочем, понес достойное наказание. У нас было две лошади. Дьячок уехал на своей (есть подозрение, что он совсем не вернется), оставалась лошадь Луки. И вдруг — представьте ужас нашего положения: эту вторую лошадь, представлявшую для нас и железную дорогу и пароход, сегодня задрал медведь. Мы отрезаны от всего остального мира. Лука в полном отчаянии.

— Ежели бы две лошади ходили вместе, так медведю не скрасть бы ни в жисть, — уве-

ряет он. — Которая-нибудь да учуяла бы. А все из-за вас, Николай Сергеич!

— Вот тебе раз!

— А уж так. Ведь вы послали дьячка за хлебом.

Это меня взорвало, как верх всякой несправедливости. Я виноват! Может быть, я же виноват, что рабочие выпили мою водку, что шел целое лето дождь, что стонал горюн? Нет, это невозможно! Я начинаю терять терпение. А голод начинает всех донимать, и я приписываю несправедливость Луки именно голоду. Голодный человек не может быть справедливым („Какая верная мысль!“ — замечает Ефим Иваныч, любивший покушать). Я впадаю в философию и начинаю понимать, что именно только голодные люди могли прийти до философских обобщений. Больше ничего не остается делать голодному человеку, как только обобщать, анализировать, размышлять и углубляться в корень вещей. Есть даже целые нации-философы, как мой башкир Ахмет. Этот милый субъект лежит совершенно неподвижно по целым дням, очевидно, стараясь не расходовать последнего запаса энер-

гии, и я как-то поставил это на вид упавшему духом Луке. Но оказалось, что подкладка этой башкирской философии совсем другая.

— Хорошо ему лежать, идолу! — выругался Лука. — Он вот лежит таким манером, а потом пойдет потихоньку, отрежет кусище от моей задранной лошади, поджарит на угольках и слопает. Ну, вот и лежит... Тьфу!

Но на четвертый день Ахмет не вытерпел и заявил мне в самой категорической форме:

— Твой дьячка кунчал... Ахмет домой гулял... расчет.

Получил расчет и ушел. Это очень скверный пример для других. Остающиеся двое рабочих смотрят на меня такими голодными глазами, и я начинаю серьезно их побаиваться. Ложусь спать с заряженным ружьем, хотя и сознаю полную бесполезность такой предосторожности.

Августа 14. День отчаяния... день позорного отступления. Бывают же такие проклятые дни! Сегодня ночью мои мрачные сотрудники бежали, захватив на память мое ружье и чемоданчик. У меня от голода делаются спазмы

в желудке и голова начинает кружиться. Лука сохраняет удивительную ясность духа и для нравственного ободрения вспоминает разные случаи из своей севастопольской жизни. Утром, когда убежали рабочие, Лука долго молчал и только встряхивал головой, точно отгонял муху. Наконец, он проговорил:

— А знаете, Николай Сергеич, отчего вся наша причина вышла?

— Отчего?

— И даже весьма все это дело просто, ежели разобрать. Бабы у нас на прииске не было — вот и вся причина. Она, эта самая баба, разве бы стравила медведю солонину? Ни боже мой, ни в жисть... Тоже и касася водки, ухранила бы в лучшем виде. Никому бы понюхать не дала... А уж ежели насчет хлеба, так мы бы еще две недели сыты были. Одним словом, все от бабы вышло...

Вопрос о бабе поднимался еще при найме рабочих, но ни одна „стряпка“ не пожелала забираться с незнакомой артелью в такую трущобу, как „Шестой номер“. На промыслах вообще баба знает себе цену и давно разрешила свой женский вопрос. Как мне кажется,

Лука был прав... Отсутствие женщины даже в такой примитивной форме, как промысловая стряпка, чувствуется на каждом шагу. Но теперь было уже все кончено, и женский вопрос для „Шестого номера“ остался открытым.

Итак, день позорного отступления... Золото было найдено, и хорошее золото, судя по знакам, и оставалось только его реализовать, что составляет вопрос будущего. Когда мы с Лукой уходили с прииска, сопровождаемые насвистыванием горюна, мне показалось, что в стороне мелькнула неуклюжая медвежья тень. Может быть, он провожал нас насмешливым взглядом и облизывался, вспоминая съедеиную солонину».

Этим заканчивался дневник «Старика». Слушатели несколько времени молчали, не зная, что говорить. Но из этого затруднения вывел всех Пржч.

— Что же, господа, к предыдущему добавим бежавшего с пятью рублями дьячка...

— Задранную медведем лошадь Луки...

— А тень неудавшейся приисковой бабы? Куда мы ее поместим? Такой и графы не при-

думаешь... Ах, «Старик», «Старик»!.. Кого угодно насмешит...

— Одним словом, комик!.. И ведь как гладко пишет...

— В некоторых местах даже совсем трогательно, — прибавила от себя Парасковья Ивановна, делая томные глаза. — У него действительно есть сердце...

— Сердце при нем и останется, а нам вот нужно будет: серьезно подсчитать, господа...

— Да, да подсчитать... Нам его не нужно, и своего мы не желаем отдавать...

IX

«Старик» относился почти безучастно ко всему, что сейчас делалось на прииске. Он знал о замыслах своих компаньонов и оставался спокойным. Правда, у него по временам являлась такая мысль: а что, если в одно прекрасное утро взять и выгнать всех этих негодяев? Ведь прииск его, и они не внесли решительно ничего в общее дело. Ему рисовалась даже самая картина того эффекта, который произвело бы всего одно его слово:

— Вон, господа негодяи!..

Письменного договора не существовало, следовательно, все права были на его стороне. О, с каким бы позором они ушли с «Шестого номера», призывая на его голову всевозможные проклятия! Это было бы только заслуженной карой за их коварство... Но, с другой стороны, ему рисовалась картина иного характера: вместе с компаньонами с прииска уйдет и Парасковья Ивановна. Воображение «Старика» отказывалось работать дальше, за этой роковой гранью. Он теперь уже не мог представить собственного существования без

Парасковьи Ивановны. Положим, что она оказывала до сих пор явное предпочтение другим — сначала Егору Егорычу, а потом Пржчу, но кто не знает, как сердце женщины изменчиво, следовательно, мог быть и третий счастливец. *La donna e mobile*, как говорит Лизунов. Ведь все могло быть... У «Старика» оставалась еще надежда, что Парасковья Ивановна когда-нибудь оценит его и поймет. А если бы он выгнал ее с прииска, то все было бы кончено, и впереди не осталось бы никакой надежды. Женщины не умеют прощать подобных оскорблений, а у Парасковьи Ивановны был такой решительный характер.

Вопрос о соперниках серьезно занимал «Старика», и он даже не спал по ночам, раздумывая на эту тему. Ему рисовался целый ряд самых ужасных картин. Центром являлся везде он. Например, такая комбинация. Он намеренно говорит Пржчу дерзости и вызывает его на дуэль. Все равно один должен исчезнуть, потому что двоим оставаться нельзя. Вот он, «Старик», уже стоит на своем пункте, а в двадцати шагах Пржч... Он целится прямо ему в грудь, а Пржч наводит дуло своего ре-

вольвера прямо ему в лоб. Лизунов, в качестве секунданта, отдает команду: раз... два... три... Разом грянули два выстрела, а в результате Пржч, смертельно раненный, падает на траву. «Старик» видит, как он хватается за простреленную грудь, видит это мертвенно-бледное лицо, остановившиеся от испуга глаза и не чувствует даже жалости. Или другой пример: Пржч не принимает вызова и, мало этого, оскорбляет «Старика» в присутствии Парасковьи Ивановны. Тогда он выхватывает револьвер, Парасковья Ивановна падает в обморок... на одно мгновение все застилается дымом выстрела... кто-то бежит... Слышится испуганный голос Лизунова:

— «Старик», что ты наделал? Ты знаешь, как я тебя люблю...

— Нет, вы не знали, господа, какой я человек. Вы думали, что я умею только молчать... О, вы совсем меня не понимали! Довольно, господа... Я слишком много терпел от вас.

Все подавлены, все перепуганы; Парасковья Ивановна успевает оправиться от своего обморока и смотрит на «Старика» испуганными глазами. Да, женщины любят только того

мужчину, которого боятся. Страх и уважение для них синонимы.

Общие размышления о компаньонах тоже были невеселого характера. Прежде всего, ведь он, «Старик», желал им всем только добра и охотно делился свалившимся с неба богатством, а они ведут дело к тому, чтобы окончательно вышвырнуть его из дела, и, мало этого, открыто обвиняют его в эксплуататорстве. Откуда могло явиться это злобное отношение именно к нему, к человеку, который никогда и никого не желал обижать? Все поведение компаньонов представляло собой одну сплошную несправедливость. А между тем они считали себя правыми и во всем обвиняли его. Неужели блеск золота до такой степени может ослеплять людей? «Старик» напрасно подыскивал другие мотивы для объяснения и не находил их... По пути он припомнил целый ряд других компаний, кончавшихся тоже взаимными обвинениями и распадавшихся из-за пустяков. Отчего самый простой мужик всегда работает артелью лучше, чем в одиночку, а интеллигентные люди не могут? Вопрос оказывался неразрешимым. В глубине

души «Старик» продолжал любить своих коварных компаньонов и жалел только об одном, что не умел этого высказать. Про себя он часто говорил пламенные речи:

— Господа, что я вам сделал? Опомнитесь, пока еще есть время. Да... Ведь вы все хорошие люди, я в этом убежден, — зачем же нам ссориться? У нас есть общее дело, общие интересы, общее, наконец, будущее. Пойдемте же вперед рука об руку и покажем другим, как следует жить и работать. Я даже не сержусь на вас, хотя и пережил несколько грустных минут. Не подумайте, что я хочу показаться великодушным, — на вашем месте я, быть может, был бы еще хуже. И т. д. и т. д.

Но центром всех мыслей «Старика» была все-таки Парасковья Ивановна. Он любил о ней думать, и она представлялась ему в тысяче видов, как перевоплощение всего женского рода. «Старику» казалось, что он делается и лучше и чище, когда думает о Парасковье Ивановне. Он припоминал выражение ее лица в разные моменты, походку, голос, улыбку, манеру садиться и те чисто женские слабости, какие она себе позволяла. По утрам она

любила пить чай просто в утренней кофточке, повязав голову по-бабьи бумажным платком. К ней все шло, даже когда она бранилась. «Старик» дошел в своем увлечении до той роковой грани, когда люди уже теряют способность определить, красив или некрасив предмет их страсти, добр или зол, хорош вообще или дурен. Про себя он называл ее всевозможными нежными именами и повторял их про себя даже в ее присутствии. Наконец, ему хотелось спасти ее от какой-то опасности, утешить в каком-то неизвестном горе и вообще проявить целый ряд героических подвигов, лучшая награда которых — один благодарный взгляд, одно пожатие руки, одна улыбка.

Компаньоны, пока «Старик» предавался своим любовным мечтам, не дремали. Подсчет предварительных расходов был сделан с замечательной точностью, причем бухгалтерские таланты Пржча проявились во всем своем блеске. При встречах компаньоны держали себя со «Стариком» как-то особенно вежливо, как с человеком, которому хотят произвести очень мучительную операцию. Наконец

Лизунов от имени всех заявил:

— Ну, «Старик», нам пора сосчитаться и выяснить все.

— Что же, я очень рад, — ответил «Старик» как-то равнодушно.

На «веранде» было устроено что-то вроде заседания полевого суда. Председательствовал Лизунов, за секретаря был Пржч, вооруженный карандашом и бумагой, Парасковья Ивановна изображала собой публику. «Старик» занял место подсудимого и держал себя спокойно, что подействовало на всех неблагоприятно.

— Видишь ли, друг мой, — начал Лизунов, глотая слюну, — ты знаешь, как я тебя люблю, и поймешь, как мне неприятно брать на себя роль главного обвинителя. Да... вообще... Но я считаю себя ответственным пред остальными компаньонами, которые собственно доверяли мне. Да... Дело прежде всего в том, что все мы собрались здесь на честное слово, и ты можешь даже нас выгнать.

В публике произошло некоторое движение.

— Я повторяю: ты можешь даже нас вы-

гнать, — продолжал Лизунов, делая ударение, — потому что все велось на честном слове...

— Позволь... я... — вступился «Старик», начиная краснеть за оратора.

— Нет, уж ты мне позволь досказать все до конца, а там уже можешь говорить... То, что я высказал так откровенно, чувствовалось всеми. Прибавь к этому еще весь риск предприятия, который тоже ложится на всех. Мы подсчитали твои расходы и приняли их в полном размере. Кажется, мы поступили по-товарищески?

Лизунов сделал драматическую паузу и обвел всех торжествующим взглядом. «Старик» виновато опустил глаза и ждал продолжения.

— Если бы ты, — ты знаешь, как я тебя люблю? — если бы ты был хорошим товарищем, — извини, я привык говорить правду! — то не поставил бы всех в самое фальшивое положение. Разве мне приятно все это говорить? А кто меня заставляет это говорить?

Речь Лизунова продолжалась довольно долго, и он даже прослезился, что вышло особенно эффектно. Голова «Старика» опускалась

все ниже. Лизунов закончил довольно вычурной тирадой:

— По-моему, прежде всего в человеке важна совесть... Вы отлично понимаете, что я хочу сказать. Без совести нельзя жить. Теперь ты, «Старик», можешь говорить.

«Старик» поднял голову, обвел глазами присутствующих и спокойно заявил:

— Вы, господа, совершенно правы... Я ничего не имею против совести. Именно совесть... это главное...

— Теперь позвольте мне, господа, — перебил его Пржч, сторавший от нетерпения представить свой отчет. — Цифры иногда бывают красноречивее людей, и мы перейдем к ним.

Цифры, иллюстрированные остроумными комментариями из дневника «Старика», действительно оказались вполне красноречивыми, так что даже улыбался сам автор дневника. Это было уже возмутительно. Закончив отчет, Пржч прибавил:

— Мы решили принять этот отчет в полном его составе и, таким образом, являемся полноправными членами. Не будем ничего говорить о том, на что тратились деньги и

как тратились, не будем называть автора этих затрат нашим эксплуататором, на что имеем полное право, а просто помиримся с фактом. Но, раз мы все это принимаем, мы требуем и соответствующих прав. Теперь каждое лицо является ответственным перед нашим обществом, и каждый его поступок подлежит общему обсуждению. Я предлагаю, господа, баллотировать теперь вопрос о самом праве некоторых членов компании быть таковыми и первый с особенной охотой подвергаюсь такой баллотировке.

«Старик» понял устроенную ловушку и заявил:

— Господа, я понимаю, что все это значит... все понимаю и... ухожу сам.

— Нет, баллотировать! — сразу заявило несколько голосов. — Нам! не нужно великодушия. Теперь дело общее...

«Старику» пришлось повиноваться. Баллотировочной урной служила полоскательная чашка, прикрытая носовым платком, а вместо баллотировочных шаров служили казанские орехи, без которых Парасковья Ивановна не могла жить. Первым баллотировался

Пржч и получил все шары избирательные, за ним то же проделали остальные и с тем же результатом. Последняя очередь принадлежала «Старику», и он не получил ни одного избирательного шара. Это была полная гражданская смерть.

— Я ухожу... — немного дрогнувшим голо- сом заявил он, поднимаясь с места.

— То есть вам приходится уходить, — по- правила его Парасковья Ивановна не без ехидства. — Вы уходите по общему решению.

«Старик» ничего не сказал и медленно вы- шел из «веранды», не простившись ни с кем. У него были слезы на глазах.

— Какой нахал! — заметила Парасковья Ивановна, провожая его глазами. — Вот чего я не ожидала.

А «нахал» шел к своей землянке, делая ка- кие-то таинственные знаки левой рукой. Его голова повторяла эти движения.

Это был целый диалог, которого, к сожа- лению, никто не слышал. Можно было предпо- ложить, что он был не менее интересен, чем дневник.

Когда Лука узнал, что «барин» уходит с

«Шестого номера» совсем, то счел своим долгом «ужаснуться».

— Ах, барин, как же это самое дело?.. Ах, боже мой...

— Очень просто...

«Старик» был спокоен и смотрел на верного слугу улыбающимися глазами. Но Лука в данном случае проявил вполне искренние чувства. Положим, он продавал барина компаньонам и многое прибавил от себя, но совсем не ожидал, что барин возьмет да и уйдет. У Луки вместе с предательством уживалась мистическая вера в барина — рука у него легкая на золото.

— Ах, барин, барин, — причитал Лука, — что же я, напримерно, буду делать здесь?

— Если хочешь, пойдем со мной. Будем искать новое золото...

Лука подумал, бросил шапку оземь и решительно заявил:

— Где наше не пропадало, барин. Значит, пойдемте опять обыскивать счастье...

Х

Стояло крепкое осеннее утро, когда «Старик» уходил с «Шестого номера». Он нарочно выбрал раннее утро, чтобы никто не видал этого позорного отступления. Полуденка еще была закрыта туманом, но горюн уже насвистывал. Пара оседланных лошадей жалась от холода и била копытами землю. «Старик» долго смотрел на прииск, и его сердце сжималось тоской. Он не жалел собственного золота, которое оставлял, — бог с ним, — но здесь было похоронено его сердце.

— Все готово, барин, — докладывал Лука, одетый по-дорожному.

— Я сейчас...

«Старик» побежал под гору и скрылся в тумане. Через полчаса он вернулся с большим букетом из горного шалфея и желтых болотных цветов. Через пять минут этот букет красовался на столе веранды.

Они выехали молча, и «Старик» ни разу не оглянулся, как уходят с кладбища. Он сидел в седле, согнувшись и распустив поводья. Лука про себя ругал компаньонов.

С отъездом «Старика» золото точно обрезало на «Шестом номере». Поиски и новые разведки унесли все, что было заработано раньше, и компания распалась сама собой. По слухам, «Старик» где-то далеко, на северном Урале, нашел новую золотиносную россыпь.

1896

ПРИМЕЧАНИЯ

Впервые опубликовано в журнале «Новое слово», ноябрь, 1896 г. Затем очерк печатался в сборнике «Золотая лихорадка», (1-е изд.- 1900 г., 2-е — 1901 г.; Екатеринбург). В 1911 г. вышло отдельное издание «На «шестом номере» (Книгоиздательство «Освобождение», СПб, 1911, серия «Современная русская литература», № 81).

В тексте очерка, помещенном в первом издании сборника «Золотая лихорадка» (1900 г.), выпал значительный кусок VII главы (стр. 239–241 наст. издания) — со слов «Так читать, господа?» до «Господа, необходимо подвести счет...» Во втором издании сборника (1901 г.) эта погрешность была исправлена, восстановлен журнальный текст, однако в издании 1911 г. она появилась вновь. Издание 1911 г. полностью воспроизвело ущербный текст первого издания сборника «Золотая лихорадка». Здесь же были допущены и новые (правда, гораздо менее значительные) опечатки. Поэтому мы воспроизводим текст 1901 г. с исправлением замеченных опечаток.